Государ-
ствен-
ное
учение
арета Мит-
олита Моск.
Москва
1883 г.

Назаревский В.
Государственное
учение Филаре
та, митрополи
та Моск.
М., 1883

№ 136.0.

16905/18°

Народный комиссариат по Просвещению

340
44
16905/16
МБ
Г72

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

В. Назаревский

ЛИЦЕЙ
ЦЕСАРЕВИЧА
НИКОЛАЯ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

№ 136. о.

3.С.
4085
Т

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
М
16905

Дозволено цензурой. Москва, 9 марта 1883 года.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ АРМИИ

Издавая въ свѣтъ основныя черты государственныхъ взглядовъ Филарета, митрополита московскаго, мы имѣли въ виду какъ самое высокое и безотносительное ихъ значеніе въ ряду политическихъ ученій, такъ и то, что они суть выраженіе исторически сложившихся государственныхъ воззрѣній нашей православной іерархіи, принимавшей живое участіе во многовѣковомъ строеніи великаго Русскаго царства.

Мы изложили государственное ученіе Филарета его собственными словами. Бо́льшая часть приводимыхъ выдержекъ помѣщена была, по случаю столѣтняго юбилея іерарха, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Вмѣсто предисловія мы находимъ лучшимъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ предмету привести передовую статью *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 24 декабря 1882 года, появившуюся наканунѣ столѣтней годовщины великаго святителя православной церкви.

26 декабря 1882 года исполнилась столѣтняя годовщина дня рожденія великаго святителя нашей церкви, митрополита Филарета, скончавшагося восьмидесяти пяти лѣтъ отъ рожденія, въ 1867 году. Церковь Всероссійская въ лицѣ Святѣйшаго Синода и церковь московская, коею святитель правилъ болѣе сорока лѣтъ, съ особымъ торжествомъ почтили его память.

Чествованіе памяти митрополита дѣло не только достойное, но и особенно полезное въ наши дни. Намъ полезно оживить теперь его память, и еще полезнѣе снова услышать его замолкнувшее слово. Онъ училъ въ тѣ времена, еще не далекія, но какъ бы отдѣленныя отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ, когда въ жизни нашего отечества не поднималось никакихъ вопросовъ, и до нашего слуха лишь изъ чужихъ странъ доносился гулъ смятеній.

Слово великаго учителя, исполненное мудрости, внималось благоговѣйно; но оно раздавалось на высотѣ, оно обращалось къ духовному созерцанію. Въ проповѣдяхъ святителя Филарета таится ученіе государственной мудрости, которое въ тѣ времена могло казаться отвлеченностью, хотя поучительною, но не вызываемою требованіями жизни. Всѣ внимали этимъ назиданіямъ, удивлялись ихъ глубинѣ, зоркости мысли, силѣ слова; но не находили примѣнимости къ жизни въ его указаніяхъ, наставленіяхъ, совѣтахъ, относящихся къ государственнымъ вопросамъ, потому что вопросовъ этихъ не было, ихъ жизнь не задавала. Уже при концѣ жизни знаменитаго архипастыря начались въ Россіи движенія и послѣдовали нововведенія, которыя должны были измѣнить весь общественный бытъ нашъ; но начавшіяся реформы еще не выразились въ своихъ послѣдствіяхъ, еще жизнь не заговорила, вопросы имѣли болѣе теоретическій характеръ въ то время, когда угасъ свѣтильникъ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ горѣвшій въ Русской церкви. Протекло пятнадцать лѣтъ со днякончины Филарета, и сколько событій совершилось, какъ измѣнилось все вокругъ! Отечество наше стоитъ незыблемо на своихъ основахъ,

но какое смятеніе въ умахъ, какія колебанія въ самомъ правительствѣ! Еслибы Богъ продлилъ до сего дня жизнь митрополита Филарета, еслибъ онъ и доселѣ могъ сохранить силу своего слова, какъ практически поучительно раздавалось бы оно теперь, съ какою жаждой внимали бы поученіямъ государственной мудрости умы не оторвавшіеся отъ церкви; какъ тепло, при силѣ и глубинѣ своей, отзывалось бы его слово въ сердцахъ! Назиданія Филарета, обращенныя къ гражданскому смыслу, не казались бы теперь только умозрѣніемъ, а были бы прямымъ отвѣтомъ на горячіе вопросы жизни. Но уходя отъ насъ, митрополитъ Филаретъ оставилъ намъ въ наслѣдіе свои поученія, которыя въ наши дни не только не утратили своего значенія, но пріобрѣли большее чѣмъ имѣли въ тѣ отдаленныя времена, когда самъ владыка произносилъ ихъ съ церковнаго амвона. Теперь станутъ они понятны не умозрительно только, но и опытно; теперь могутъ они стать дѣйственною въ нашей жизни силой.

Совершившаяся столѣтняя годовщина митрополита Филарета побудитъ собрать и обнародовать все что онъ оставилъ намъ въ наслѣдіе, во славу Церкви и на пользу нашего

отечества. Кромѣ твореній, изданныхъ при его жизни, кромѣ проповѣдей его, извѣстныхъ не въ одной Россіи, сохранилось еще множество писемъ его къ разнымъ лицамъ, писемъ, которыя возвращаютъ намъ его нравственный образъ въ большей жизненности, чѣмъ знали его люди не знавшіе его близко. Много уже обнародовано, но многое еще ожидается, а между тѣмъ, чествуя память великаго святителя, мы сдѣлаемъ и достойное его памяти, и полезное для себя дѣло, если изберемъ изъ его проповѣдей то что относится къ вопросамъ государственнаго порядка, которые теперь въ большомъ ходу, смущая и волнуя умы. Многое въ этихъ поученіяхъ покажется намъ сказаннымъ по возбужденію текущихъ событій и вопросовъ. Владыка говорилъ какъ бы въ предвидѣніи этихъ вопросовъ, которые насъ волнуютъ; онъ говорилъ какъ бы въ поученіе именно нашему времени. Читая его, мы какъ бы внимаемъ его голосу, какъ будто онъ самъ восходитъ снова на свою святительскую каѳедру для вразумленія мятущихся, для укрѣпленія колеблющихся, для утвержденія самой власти въ сознаніи ея незыблемости и святости, мы выбрали нѣкоторыя мѣста изъ проповѣдей Филарета относящіяся къ политиче-

скимъ вопросамъ, и предлагаемъ ихъ читателю въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ. Мы приведемъ его ученіе о государствѣ, верховной въ немъ власти, отношеніи къ ней подданныхъ и другихъ сторонахъ государственнаго строенія а также воззрѣнія его на теченіе государственной жизни нашего отечества съ начала текущаго столѣтія до смерти святителя. Теперь же намъ лучше умолкнуть и предоставить слово великому іерарху, слово, которое всего вѣрнѣе и лучше оживитъ память о немъ. *

---

* *Московскія Вѣдомости* № 357 1882 года. См. также №№ 9, 49 и 51 1883 года.

I.

«Откуда сіе множество людей соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ?* Очевидно, что сіе множество народилось отъ меньшаго племени, а сіе произошло изъ семейства. Итакъ, въ семействѣ лежатъ сѣмена всего что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ государствомъ. Тамъ нужно искать и перваго образа власти и подчиненія видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ чело-

вѣка, то открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдовательно всякой послѣдующей между людьми власти въ Богѣ. *

Филаретъ указываетъ на непроизвольный характеръ государства, какъ силы природы предваряющей всякій договоръ и соглашеніе.

«Должно, говорятъ мудрецы вѣка сего, повиноваться общественнымъ властямъ, на основаніи общественнаго договора, которымъ люди соединились въ общество и для общаго блага общимъ согласіемъ учредили начальство и подчиненность. Вотъ прекрасное основаніе для того, чтобы на немъ построить государство въ высокоумной книгѣ или въ мечтательной головѣ, а не въ природѣ вещей. Если думаютъ, что нельзя иначе основать общество, какъ на общественномъ договорѣ: то не на немъ ли основаны и общество пчелъ и муравьевъ? И не надобно ли подлинно выламывающимъ соты и разрывающимъ муравейники поручить отыскивать въ нихъ...хартію пчелъ и муравьевъ? И доколѣ сего не сдѣлано, ничто не препятствуетъ намъ думать, что пчелы и муравьи составляютъ общества не по дого-

---

* *Слова и Рѣчи* т. II стр. 135 Изданіе 1848 года.

вору, а по природѣ, по впечатлѣнной въ существѣ ихъ идеѣ общенія, которую Творецъ міра и въ семъ низкомъ кругѣ созданій своихъ осуществить благоизволилъ. Если же нашелся въ природѣ примѣръ составленія общества по самой природѣ, или по назначенію отъ Творца природы; то нужно ли вымышлять иной способъ составленія общества человѣческаго? И къ чему годится вымыслъ общественнаго договора? Никто не можетъ спорить противъ того, что начальный видъ общества есть общество семейственное. Итакъ младенецъ повинуется матери, а мать имѣетъ власть надъ младенцемъ, потому ли, что они договорились между собою, чтобъ она кормила его грудью, а онъ какъ можно менѣе кричалъ, когда его пеленаютъ? Что̀ еслибы мать предложила младенцу слишкомъ тяжкія условія? Не прикажутъ ли ему изобрѣтатели общественнаго договора идти къ чужой матери и договариваться съ нею о его воспитаніи? Сколь удобно въ семъ случаѣ приложеніе общественнаго договора: почти столько же оно удобно и во всѣхъ другихъ случаяхъ для всякаго человѣка, отъ младенца до старца, отъ перваго до послѣдняго. Всякій договоръ человѣческій можетъ имѣть силу только тогда, когда всту-

паютъ въ него съ сознаніемъ и по доброй волѣ. Много ли же въ обществѣ людей, которые слышали о договорѣ общественномъ; а изъ немногихъ, которые о немъ наслышались, многіе ли о немъ имѣютъ ясное понятіе? Спросите, не говорю, простаго гражданина, спросите мудреца договоровъ: когда и какъ вступилъ онъ въ общественный договоръ? Во время совершеннолѣтія? Но кто опредѣлилъ сіе время? И былъ ли онъ внѣ общества до совершеннолѣтія?..

«Посредствомъ рожденія? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякаго Россіянина съ тѣмъ, что онъ умѣлъ, не знаю, съ родителями ли своими или съ самою Россіей, договориться, чтобъ ему родиться въ могущественной Россіи... Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о семъ договорѣ въ свое время, и потому ссылаться на него, не значитъ ли поддѣлывать оный? И слѣдственно, не вѣрнѣе ли, какъ и простѣе, и въ повиновеніи и въ прочихъ отношеніяхъ къ обществу, разбираться по праву и обязанности рожденія дѣйствительнаго вмѣсто вымышленнаго договора, — сего сновидѣнія общественной жизни, которое, будучи разказано не въ добрый часъ, произве-

ло и производитъ вещественныя бѣдствія человѣческихъ обществъ. «*Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко, законъ твой Господи*» (Псал. CXVIII, 85). *

«Что повиноваться должно, надобно ли сіе доказывать? Гдѣ есть общество человѣческое, тамъ необходимо есть власть, соединяющая людей въ составъ общества: ибо безъ власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть дѣйствуетъ въ обществѣ и сохраняетъ оное посредствомъ повиновенія. Слѣдственно повиновеніе необходимо соединено съ существованіемъ общества. Кто сталъ бы колебать или ослаблять повиновеніе, тотъ колебалъ бы или ослаблялъ бы основаніе общества. Много ли въ обществѣ людей способныхъ къ повиновенію по идеямъ и умозрѣніямъ? Когда смотрю на опыты какъ на подобныхъ умозрѣніяхъ хотятъ въ наше время основать повиновеніе нѣкоторые народы и государства, какъ тамъ ничто не стоитъ твердо, зыблются и престолы и алтари, бразды правленія рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуютъ, преступленія ругаются надъ правосудіемъ, нѣтъ ни едино-

---

* Т. III, стр.448, 449. Издан. 1877 г.

душія, ни довѣренности, ни безопасности, каждый наступающій день угрожаетъ,—видя все сіе не могу не заключить: видно не на человѣческихъ умозрѣніяхъ основывать должно государственное благоустройство.» **

...«— Три рода повиновенія: корыстное для собственной пользы, рабское изъ страха, честолюбивое для достиженія преимуществъ. Что же должно сказать объ ихъ достоинствѣ? Безспорно, что всѣ они лучше неповиновенія; всѣ могутъ въ разныхъ случаяхъ съ успѣхомъ быть употреблены противъ искушеній неповиновенія: но есть ли тутъ добродѣтель чистая и твердая?...

«Добродѣтель недовольно чистая не можетъ быть довольно постоянною, подобно, какъ нечистое золото измѣняетъ свой видъ и обнаруживаетъ примѣсь. Какъ естественно то, чтобы всякое дѣйствіе равно было своей причинѣ и дальше ея не простиралось: такъ надлежитъ ожидать, что повиновеніе основанное только на страхѣ, на корысти, на удовлетвореніи честолюбія, поколеблется, когда честолюбію нѣтъ удовлетворенія, или по невнимательности награждающаго, или по алчности са-

---

* Т. II, стр. 181 Изд. 1848 года.

маго честолюбія, когда повиновеніе требуемое общею пользою противно частнымъ выгодамъ; когда устрашающая законнымъ отмщеніемъ или наказаніемъ власть или недовольно сильна, или недовольно проницательна и дѣятельна... *.

«...Богъ, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроилъ на землѣ царя; по образу Своего вседержительства—царя самодержавнаго; по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—царя наслѣдственнаго.

«О, если бы всѣ цари земные довольно внимали своему небесному достоинству, и къ положеннымъ на нихъ чертамъ образа небеснаго вѣрно присоединяли требуемыя отъ нихъ богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намѣренія и дѣятельности! О, если бы всѣ народы довольно разумѣли небесное достоинство царя и устроеніе царства земнаго по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа,—благоговѣніемъ и любовію къ царю, смиреннымъ послушаніемъ его законамъ и повелѣніямъ и взаимнымъ со-

---

* Изд. 1877 г., т. III. стр. 448.

гласіемъ и единодушіемъ и удаляли отъ себя все, чему нѣтъ образа на небесахъ,—превознощеніе, раздоръ, своеволіе, своекорыстіе и всякое зло мысли, намѣренія и дѣйствія... Всѣ царства земныя были бы достойнымъ преддверіемъ царства небеснаго. Россія, ты имѣешь участіе въ семъ благѣ, паче многихъ царствъ и народовъ.» «Держи, еже имаши, да никто же пріиметъ вѣнца твоего» (Апокалипс. 3, 11). *.

...«У нѣкоторыхъ народовъ въ наши времена о государственномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ между предержащею властію и подданными столько споровъ и распрей, что отъ нихъ всѣ общественныя связи трещатъ, всѣ столпы политическихъ зданій колеблются, пусть бы они прочитали у насъ (русскихъ) явственнѣе на сердцахъ, чѣмъ на хартіяхъ написанное, краткое, но всеобъемлющее постановленіе государственное, которое заключается въ слѣдующихъ словахъ: *святость власти и союзъ любви между государемъ и народомъ*... **.

---

* Изд. 1861 г., Т III, стр. 252.

** Изд. 1877, Т. III, стр. 442.

...Пророкъ, между *судьбами Божіими по всей земли,* отличая особенную судьбу помазанныхъ, не довольствуется собственнымъ указаніемъ на то очевидное дѣйствіе сея судьбы, что Богъ *не оставилъ человѣка обидѣти ихъ*; Онъ отверзаетъ небо и даетъ услышать оттолѣ Творческое слово, созидающее ихъ безопасность: *не прикасайтеся помазанныимъ моимъ*...

«Неудивительно, что громовымъ гласомъ нужно было возвѣщать сію заповѣдь народамъ языческимъ, глухимъ для кроткаго слова Божія. Кто бы подумалъ, что для христіанскихъ народовъ нужно будетъ вновь написать ее кровію христіанскихъ народовъ? Но она написана кровію и огнемъ на жесткой скрижали Европы; и въ просвѣщенномъ вѣкѣ есть мудрецы, которые донынѣ еще не умѣютъ прочитать сихъ грозныхъ и вмѣстѣ спасительныхъ письменъ...

«Правительство не огражденное свято почитаемою ото всего народа неприкосновенностью не можетъ дѣйствовать ни всею полнотой силы, ни всею свободой ревности, потребной для устроенія и охраненія общественнаго блага и безопасности. Какъ можетъ оно развить всю силу свою въ самомъ благодѣтельномъ ея на-

правленіи, когда его сила непрестанно находится въ ненадежной борьбѣ съ другими силами, пресѣкающими ея дѣйствія въ столь многоразличныхъ направленіяхъ, сколько есть мнѣній, предубѣжденій и страстей, болѣе или менѣе господствующихъ въ обществѣ? Какъ можетъ оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе между попеченіемъ о благосостояніи общества и между заботой о собственной своей безопасности. Но если такъ не твердо правительство, не твердо также и государство. Такое государство подобно городу построенному на огнедышащей горѣ: что̀ значатъ его твердыни когда подъ нимъ кроется сила, которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины? Подвластные, которые не признаютъ священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждой своеволія побуждаются домогаться своеволія; власть, которая не увѣрена въ своей неприкосновенности, заботой о своей безопасности побуждается домогаться преобладанія: въ такомъ положеніи государство колеблется между крайностями своеволія и преобладанія, между ужасами безначалія и угнетенія и не можетъ утвердить въ

себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной. *

«...Заповѣдь Господня не говоритъ: не возставайте противу предержащихъ властей. Ибо подвластные и сами могутъ понимать, что разрушая власть, разрушаютъ весь составъ общества и слѣдственно разрушаютъ сами себя. Заповѣдь говоритъ: *не прикасайтеся* даже такъ, какъ прикасаются къ чему-либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслію, по неосторожности; ибо случается нерѣдко, что въ семъ непримѣтно погрѣшаютъ. Когда власть налагаетъ на подданныхъ нѣкое бремя, хотя и легкое и необходимое, какъ легко возбуждается ропотъ! Когда подвластные видятъ дѣло власти, несогласное съ ихъ образомъ понятія: какъ стремительно исторгаются изъ устъ ихъ слова осужденія! Какъ часто необученная послушанію мысль подчиненнаго нечистымъ прикосновеніемъ, касается самыхъ намѣреній власти и налагаетъ на нихъ собственную нечистоту! Клеврета мой, кто далъ тебѣ власть надъ твоими владыками?... **

---

* Т. II стр. 133, 134 Издан. 1848.

** Т. II стр. 136 Изд. 1843 г.

«...Государь и государство требуютъ отъ подданныхъ вѣрности вообще и въ особенныхъ служеніяхъ, должностяхъ и порученіяхъ. Въ сей вѣрности необходимо нужно твердое удостовѣреніе: потому что безъ сего не былъ бы обезпеченъ общественный порядокъ, и даже не было бы общественной безопасности. Чѣмъ же обезпечить вѣрность? Законами?— Но чтобы законы имѣли полную силу и дѣйствіе, для сего нужна строгая вѣрность въ ихъ употребленіи. Слѣдственно предложенный вопросъ здѣсь не разрѣшается, и только получаетъ особенный видъ: чѣмъ обезпечить вѣрность въ употребленіи законовъ? Итакъ чѣмъ же? Не честностью ли предварительно дознаваемою? Для сего удобнѣе находить время и способы въ необширномъ кругу частныхъ сношеній, нежели въ необъятномъ пространствѣ государственныхъ отношеній. Власть употребляетъ ближайшія и важнѣйшія свои орудія, безъ сомнѣнія, съ предварительнымъ испытаніемъ и дознаніемъ, поколику достигаетъ и проницаетъ человѣческій ограниченный взоръ: но можно ли испытаніемъ и дознаніемъ рѣшительно опредѣлить честность каждаго изъ тысячъ и темъ людей прежде употребленія ихъ какъ орудій государства? Опять возвращает-

ся вопросъ: чѣмъ опезпечить вѣрность? Не честнымъ ли словомъ? Честное слово можно принять обезпеченіемъ только изъ усть человѣка дознанной честности: а гдѣ предварительное полное дознаніе честности неудобоисполнимо, тамъ не обезпечиваетъ слово, которое само себя провозглашаетъ честнымъ... Чѣмъ же обезпечить вѣрность? Не страхомъ ли наказаній? Какъ непріятно было бы, еслибъ и было возможно, основать общее спокойствіе на одномъ общемъ страхѣ! Но это и невозможно; потому что могутъ быть нарушенія вѣрности, которыхъ человѣческая проницательность не можетъ открыть и правосудіе человѣческое не можетъ преслѣдовать. Страхъ наказанія нуженъ и полезенъ для обузданія склонныхъ къ преступленіямъ: но недостаточенъ для образованія качества вѣрноподданныхъ. Такимъ образомъ неудовлетворительность болѣе близкихъ и обыкновенныхъ средствъ къ обезпеченію вѣрности приводитъ къ крайнему средству, къ запечатлѣнію обѣщаемой вѣрности великимъ и страшнымъ Именемъ Божіимъ, дабы каждый такъ уважалъ вѣрность, какъ благоговѣетъ предъ Богомъ; дабы тотъ, кто вздумалъ бы дерзновенно коснуться своего обѣщанія, неизбѣжно встрѣтил-

ся съ Именемъ Божіимъ, которое не есть только произносимый звукъ, но призываемая сила Божія, проницающая души, испытующая сердца, благословляющая вѣрныхъ и карающая невѣрныхъ...» *

«Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги Россія и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ: потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю и мракъ на языки. Шаташася языцы и люди поучишася тщетнымъ.* Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того, *Кѣмъ царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей. Престолы тамъ стали не тверды; народы объюродѣли. Не то чтобъ уже совсѣмъ не стало разумѣвающихъ; но дерзновенное безуміе взяло верхъ и попираетъ малодушную мудрость не укрѣпившую себя премудростію Божіей. Изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять даже той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ. Мечтаютъ пожать миръ, когда сѣютъ мятежъ, не возлюбивъ свободно повиноваться законной и

---

* Т. III, стр. 348, 349. Изд. 1861 г.

благотворной власти Царя; принуждены раболѣпствовать предъ дикою силой своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнующееся море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность.

«Но благословенъ *Запрещающій морю!* Для насъ еще слышенъ *въ событіяхъ* Его гласъ: *до сего дойдеши и не прейдеши.* Крѣпкая благочестіемъ и самодержавіемъ Россія стоитъ твердо... *

«Царь, по истинному о немъ понятію, есть глава и душа царства. Но вы возразите мнѣ, что душой государства долженъ быть законъ. Законъ необходимъ, досточтимъ, благотворенъ; но законъ въ хартіяхъ и книгахъ есть мертвая буква: ибо сколько разъ можно наблюдать въ царствахъ, что законъ въ книгѣ осуждаетъ и наказываетъ преступленіе, а между тѣмъ преступленіе совершается и остается ненаказаннымъ, законъ въ книгѣ благоустрояетъ общественныя званія и дѣла, а между тѣмъ они разстраиваются. Законъ, мертвый въ книгѣ, оживаетъ въ дѣяніяхъ; а верховный государ-

---

* Т. III, стр. 226. Издан. 1861 г.

ственный дѣятель и возбудитель и одушевитель подчиненныхъ дѣятелей есть Царь. *

«Нельзя не обратить вниманія... на печальный образъ народа и общества раздѣленнаго на толки и соумышленія. Раздѣляя народъ и общество на отдѣльныя соединенія, они повреждаютъ единство цѣлаго—первое условіе общественной жизни; уменьшаютъ общую силу, разсѣкая ее на частныя, взаимно противоборныя силы; ослабляютъ общественное довѣріе; волнуютъ тысячи народа вмѣсто того, чтобъ устроять его благо правильною дѣятельностію въ спокойномъ послушаніи власти; колеблютъ зданіе общества, обращая въ вопросы и споры то, что̀ признано при учрежденіи обществъ, положено въ ихъ основаніе и утверждено необходимостію; ведутъ въ обществѣ внутреннюю войну, конечно, не къ спокойствію его и не къ безопасности, а иногда еще бѣдственнѣе заключаютъ между собою притворное перемиріе для сильнѣйшаго возстанія противъ истины и правды. Благо народу и государству, въ которомъ, единымъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, сильнымъ, всепроникающимъ, вездвижущимъ средоточіемъ, какъ солнце во все-

---

* Тамъ же стр. 302.

ленной, стоитъ Царь, свободно ограничивающій свое самодержавіе волей Царя Небеснаго, мудростью, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ, и въ которомъ отношенія подданныхъ къ верховной власти утверждаются не на вопросахъ ежедневно возрождающихся, и не на спорахъ никогда некончаемыхъ, но на хранимомъ свято преданіи праотеческомъ, на наслѣдственной и благопріобрѣтенной любви къ Царю и Отечеству и еще глубже на благоговѣніи къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ. Господи Ты даровалъ намъ сіе благо! *

«Какой борьбы предметомъ бываетъ у иныхъ народовъ избраніе въ общественныя должности! Съ какою борьбой, а иногда и съ тревогами достигаютъ того, чтобъ узаконить право избранія общественнаго! Потомъ начинается, и то утихаетъ, то возобновляется борьба, то за расширеніе, то за ограниченіе сего права. За неправильнымъ расширеніемъ права общественнаго избранія слѣдуетъ неправильное употребленіе онаго. Трудно было бы предста-

---

* Тамъ же, стр. 223.

вить себѣ вѣроятнымъ, еслибы мы не читали въ иностранныхъ извѣстіяхъ, что избирательные голоса продаются; что ищущимъ избранія сочувствіе или несочувствіе выражаютъ не только утвердительными или отрицательными голосами, но и камнями и дреколіемъ, какъ будто можетъ родиться отъ звѣря человѣкъ, отъ неистовства страстей разумное дѣло; что невѣжды дѣлаютъ разборъ между людьми, въ которыхъ должно усмотрѣть государственную мудрость, безаконники участвуютъ въ избраніи будущихъ участниковъ законодательства, поселяне и ремесленники разсуждаютъ и подаютъ голоса не о томъ, кто могъ бы хорошо смотрѣть за порядкомъ въ деревнѣ или въ обществѣ ремесленниковъ, но о томъ, кто способенъ управлять государствомъ.

«Богу благодареніе! Не то въ отечествѣ нашемъ. Самодержавная власть, утвержденная на вѣковомъ законѣ наслѣдственности, нѣкогда въ годину оскудѣвшей наслѣдственности обновленная и подкрѣпленная на прежнемъ основаніи чистымъ и разумнымъ избраніемъ, стоитъ въ неприкосновенной непоколебимости и дѣйствуетъ въ спокойномъ величіи. Подвластные не думаютъ домогаться права избирать въ общественныя должности, по увѣренности что

власть радѣетъ о благѣ общемъ и разумѣетъ чрезъ кого и какъ устроить оное. Власть, по свободному изволенію и довѣрію къ подвластнымъ, даетъ имъ право избранія общественнаго, назначая оному разумные предѣлы *.

«Вода, хотя и есть въ ней илъ, является чистою когда онъ лежитъ на днѣ; но когда какимъ-нибудь неправильнымъ движеніемъ илъ поднимается вверхъ, вся чистая дотолѣ вода теряетъ видъ чистоты, становится мутною. Подобно сему общество человѣческое, хотя есть въ немъ часть людей недобрыхъ, является чистымъ и благополучнымъ, когда сія несчастная стихія лежитъ на днѣ, когда люди недобрые, по справедливости униженные въ общемъ мнѣніи, не достигаютъ власти, почета и вліянія на другихъ; но когда недобрая стихія поднимается вверхъ, когда люди недобрые достигаютъ власти, почета и вліянія на другихъ, тогда они мутятъ и чистую воду, и добрыхъ людей или своимъ вліяніемъ вводятъ въ соблазнъ, или своею силой подвергаютъ затрудненіямъ и скорбямъ, и, возрастая въ силѣ, вредятъ цѣлому обществу **.

---

* Тамъ же, 322, 323.

** Тамъ же, стр. 324.

«Нѣкоторые люди, не знаю болѣе ли другихъ обладающіе мудростью, но конечно болѣе другихъ довѣряющіе своей мудрости, работаютъ надъ изобрѣтеніемъ и постановленіемъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, началъ для образованія и преобразованія человѣческихъ обществъ. Уже болѣе полувѣка образованнѣйшая часть рода человѣческаго видитъ ихъ преобразовательныя усилія въ самомъ дѣйствіи, но еще нигдѣ и никогда не создавали они тихаго и безмятежнаго житія. Они умѣютъ потрясать древнія зданія государствъ; но не умѣютъ создать ничего твердаго. Внезапно по ихъ чертежамъ строятся новыя правительства и такъ же внезапно рушатся. Они тяготятся отеческою и разумною властью царя и вводятъ слѣпую и жестокую власть народной толпы и безконечныя распри искателей власти; они прельщаютъ людей увѣряя, что ведутъ ихъ къ свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ недутъ ихъ отъ законной свободы къ своеволію, чтобы потомъ низвергнуть ихъ въ угнетеніе *...

«Свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и дѣлать лучшее. Она есть достояніе каждаго... Но въ неисчислимости рода человѣческаго многіе ли имѣютъ такъ

* Тамъ же, стр. 291.

открытый и образованный умъ, чтобы вѣрно усматривать и отличать лучшее? И тѣ которые видятъ лучшее имѣютъ ли довольно силы рѣшительно избрать оное и привести въ дѣйствіе? Что сказать о свободѣ людей, которые хотя не въ рабствѣ ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстію, одержимы злою привычкой... Наблюденіе надъ людьми и надъ обществами показываетъ, что люди болѣе попустившіе себя въ это внутреннее рабство—въ рабство грѣхамъ, страстямъ, порокамъ—чаще другихъ являются ревнителями внѣшней свободы,—сколь возможно расширенной свободы, въ обществѣ человѣческомъ предъ закономъ и властію. Но расширеніе внѣшней свободы будетъ ли способствовать имъ къ освобожденію отъ рабства внутренняго? Нѣтъ причины такъ думать. Въ комъ чувственность, страсть, порокъ уже получили преобладаніе, тотъ, по отдаленіи преградъ противопоставляемыхъ порочнымъ дѣйствіямъ закономъ и властью, конечно, неудержимѣе прежняго предастся удовлетворенію страстей и внѣшнею свободой воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство *.

* Тамъ же, стр. 291.

«Измѣнить царю и отечеству на войнѣ, расхитить государственное сокровище, осудить невиннаго на тяжкое наказаніе, эти вопіющія невѣрности противъ царя, отечества и закона поражаютъ всякаго, и тяжесть преступленія входитъ въ число средствъ предохраняющихъ отъ покушенія на оное. Но не исполнять царской службы и пользоваться воздаяніемъ или наградой за службу, ввести виды личной корысти въ распоряженіе дѣлами и средствами общественными, принять въ судѣ ходатайство вмѣсто доказательства, и оправдать неправаго: это, говорятъ, небольшія неточности, извиняемыя иногда обстоятельствами и не препятствующія вѣрности въ дѣлахъ важнѣйшихъ. Не обольщайте себя. Эти небольшія неточности не очень малы, особенно же потому что беременны большими невѣрностями. Эта неопасная повидимому неправда *вмалѣ* ведетъ за собою невѣрность во многѣ *.

«Защищеніе отечества противъ воюющаго врага, очевидно, невозможно безъ самоотверженія, безъ готовности пожертвовать даже жизнію. Но и въ мирныхъ отношеніяхъ среди дѣлъ государственныхъ вѣрность не обезпе-

---

* Тамъ же, стр. 320.

чена, если не готова къ самопожертвованію. Надобно ли, напримѣръ, въ судѣ или въ начальствованіи праваго, но немощнаго защитить отъ неправаго, но сильнаго соперника или преслѣдователя? Кто можетъ сіе сдѣлать? Безъ сомнѣнія, только тотъ кто готовъ подвергнуться гоненію скорѣе, чѣмъ предать гонимую невинность. Надобно ли предъ лицомъ сильныхъ земли высказать несогласную съ ихъ мыслями и желаніями, но спасительную для общества истину? Кто можетъ сдѣлать сіе? Безъ сомнѣнія тотъ кто готовъ пострадать за истину, лишь бы общее благо не потерпѣло ущерба *.

«Обыкновенная о правдѣ мысль въ обществѣ та, что правду соблюдать должны правящіе, а подчиненные и все общество имѣютъ право требовать и ожидать ее отъ правящихъ. Мысль справедливая: но въ ней только половина той правды, которою благоустрояется общество и потому отъ нея не можетъ произойти полнаго мира; какъ можно примѣчать на самомъ опытѣ, что люди требующіе отъ правящихъ правды какъ отъ подданныхъ дани, безо всякихъ другихъ разсужденій, при ма-

---

* Тамъ же, стр. 221.

лѣйшемъ видѣ или даже только подозрѣніи неправды, поднимаютъ ропотъ, начинаютъ судить и хотятъ писать новые законы правителямъ.... Правду соблюдать должны всѣ и каждый, по своей возможности, въ своемъ кругѣ; и съ большею строгостію должны требовать правды отъ самихъ себя, нежели отъ другихъ....»

«Радость и счастіе царя и царства начинается тогда, когда ощущается сила отражающая страхъ коварствъ или насилій, въ которомъ каждое общество естественно находится. Если законъ гражданскій ручается за безопасность частную, то спокойствіе общественное и неприкосновенность самаго закона охраняется силою. Сердце государства слабаго потрясается отъ каждаго движенія, происходящаго близь его предѣловъ, и легкій вѣтръ молвы кажется ему грозною силою *.

«Въ царствахъ болѣе или менѣе союзныхъ съ Россіей и частію сосѣднихъ, у народовъ многочисленныхъ образованныхъ, въ минуты дреманія правительствъ, изъ вертеповъ тайныхъ скопищъ, безнравственныхъ и безбожныхъ, внезапно исторгся вихрь мятежа и без-

---

* Изд. 1873 г., т. I, стр. 191.

началія, который, колебля и разрушая порядокъ одного царства за другимъ, угрожаетъ миру и безопасности всѣхъ народовъ Европы, и противъ державы Россійской особенно дышетъ яростію съ шумомъ и воплями, какъ противъ сильной и ревностной защитницы законной власти порядка и мира... *

«Родъ строптивъ и преогорчеваяй, родъ, иже не исправи сердца своего и не увѣри съ Богомъ духа своего (Пс. 77, 8) волнуетъ народы... царства *раздѣлѣшіяся на ся,* колеблются... неправда домогается восхитить силу, а сила недовольно чтитъ правду... мечтаютъ на мятежѣ основать законность, во всенародныхъ распряхъ найти источникъ общественнаго согласія, имѣть свободное управленіе посредствомъ порабощеннаго правительства... безначаліе хочетъ быть началомъ очевидно не созидательнымъ, а разрушительнымъ. **

«Зачѣмъ иные самонадѣянные умы, вышедъ изъ повиновенія вседержавной премудрости Христовой, домогаются самопроизвольно и суемудренно господствовать надъ дѣлами и надъ законами и надъ общенароднымъ разу-

---

* Т. III, 228 стр. Изд. 1861 г.

** Т. III, стр. 251.

мѣніемъ? Почто на стражѣ правды и честности поставляютъ не высокій и сильный страхъ Божій, а малодушный и ничтожный страхъ мнѣнія человѣческаго. О, еслибы никто въ царствѣ земномъ не дѣйствовалъ въ забвеніи о власти небесной! *

Въ наше время многіе народы мало знаютъ отношенія государства къ царству Божію... Имъ не нравится старинное построеніе государства на основаніи благословенія и Закона Божія; они думаютъ гораздо лучше воздвигнуть зданіе человѣческаго общества въ новомъ вкусѣ на пескѣ народныхъ мнѣній и поддерживать его бурею безконечныхъ распрей. Ихъ новыя построенія никогда не достраиваются, каждый день угрожаютъ паденіемъ, часто дѣйствительно рушатся... **

«Се тьма покрываетъ землю, и мракъ на языки (Исаіи LX, 2). Народы христіанскіе, или чтобы говорить опредѣленнѣе, люди, которымъ попущено быть языкомъ сихъ народовъ, представителями и провозгласителями ихъ мудрованія, направителями ихъ дѣятельности, большею частію не то, что не знаютъ,

---

* Т. III, стр. 313.

** Т. III, стр. 240.

но что гораздо хуже, не хотятъ знать христіанства; царства земныя не ищутъ, не признаютъ царствія Божія и менѣе обращаютъ вниманія на оное, нежели на царство послѣдняго изъ сосѣдей, дѣлаютъ для себя новыя постановленія, не основанныя на постановленіяхъ божественныхъ, съ такою прочностью, какая свойственна зданіямъ безъ основанія: постановленія ихъ рушатся въ ихъ глазахъ; однако они не примѣчаютъ, въ чемъ недостатокъ, и воздвигаютъ другія не болѣе надежныя. * Сіи строители новаго Вавилона трудятся для того, чтобы все привести въ смѣшеніе, чтобы, опровергнувъ принятыя общественныя понятія, утвержденныя на самой истинѣ вещей, или упроченныя обычаемъ и древностью, кончить тѣмъ, чтобы не понимать другъ друга. Они хотятъ Царей, не освященныхъ Царемъ царствующихъ; правителей порабощенныхъ своимъ подданнымъ; напротивъ того приписываютъ царскую и самодержавную власть народу, то-есть рукамъ или ногамъ предоставляютъ должность головы, и сія должность у нихъ исполняется такъ правильно,

---

* Такъ въ 1830 году митрополитъ Филаретъ говорилъ о конституціяхъ во Франціи, начиная съ 1789 г.

какъ правильно сіе распоряженіе; народъ у нихъ царствуетъ мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимаго самодержавія народнаго плодъ, есть отсутствіе общественной и частной безопасности. Такъ шатаются языцы: потому что поучаются тщетнымъ; потому что въ своихъ неблагословенныхъ сборищахъ собираются на Господа и на Христа Его. Но за то и Господь уже мятетъ ихъ яростію своею; яко сосуды скудельничи сокрушаетъ ихъ (Псал. 11) и не престанетъ сокрушать, дондеже взыщутъ оставшіися человѣцы Его и Его царствія (Амос. IX, 12).

...«Поспѣшимъ вполнѣ воздать неотъемлемую славу Царю Небесному на землѣ еще взирающей къ вѣчному Востоку, еще необъятой мракомъ Запада, еще не примѣсившейся къ новому смѣшенію Вавилонскому...» *

„... Какъ изъ малыхъ племенъ возникаютъ и возрастаютъ народы, не подавляются сильнѣйшими сосѣдями, но и сильнѣйшихъ по временамъ преодолѣваютъ или себѣ подчиняютъ? Какъ напротивъ того, великіе народы, которыхъ естественная сила увеличивается

---

* Изд. 1877 г., т. III, стр. 461—462.

искусствами ей служащими, не всегда возвышаются, но въ свою чреду падаютъ и разсыпаются? И не посвященная въ таинства судебъ Божіихъ, исторія на сіе отвѣтствуетъ, что благочестіе, хотя иногда недовольно просвѣщенное, но искреннее, правота и доброта нравовъ возвышаютъ и облекаютъ побѣдоносною силой духъ народа; что напротивъ того, уменьшеніе въ народѣ благочестія, поврежденіе нравовъ, преобладаніе пороковъ, разрушаютъ единодушіе, ослабляютъ вѣрность и мужество, похищаютъ у законовъ силу и почитаемыя средствами общественнаго благоустройства образованность и просвѣщеніе обращаютъ въ орудія дерзости, безпорядка и разрушенія...

«Если невнимательность и холодность къ вѣрѣ уменьшаетъ благоговѣніе къ священной клятвѣ и такимъ образомъ ослабляетъ союзъ вѣрности, соединяющій подданныхъ съ Царемъ и царствомъ; а хитрость еще къ большему ослабленію сего союза не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею въ общемъ составѣ государства, особенные узлы своевольныхъ соумышленій и беззаконныхъ скопищъ: великая утрата общественной силы, которая состоитъ въ соединеніи.

«Если склонность къ роскоши, праздности, забавамъ разстроиваетъ порядокъ въ семействахъ, истощаетъ богатства ихъ, дѣлаетъ то, что дѣти, забытыя родителями во время воспитанія, взаимно забываютъ ихъ послѣ воспитанія: не простретсяли сіе разстройство и на семейство семействъ? Гдѣ будетъ богатство государства, которое изъ богатствъ подданныхъ слагается? Гдѣ будутъ сыны отечества, когда дѣтей семействъ не будетъ?

«Если различныя состоянія общества отъ неправильнаго движенія страстей, подобнаго вывихнутію членовъ тѣла, выходятъ изъ свойственныхъ имъ мѣстъ и предѣловъ, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втѣсняются въ дѣла, совсѣмъ до нихъ не принадлежащія, напримѣръ: воинъ хочетъ законодательствовать; не призванный церковію поставляетъ себя учителемъ вѣры; поселянинъ прилагаетъ ухо къ молвѣ о вольности, которой не понимаетъ и которою не умѣетъ пользоваться; гражданинъ мечтаетъ о благородствѣ имени не принадлежащемъ его званію, не поставляя въ справедливую цѣну благородства духа, въ пріобрѣтеніи котораго никто ему не препятствуетъ: что̀ можетъ отъ сего послѣдовать, какъ не то, что и весь со-

ставъ тѣла государственнаго производить будетъ не стройныя и не здравыя движенія?

«Если въ служеніи Царю и царству явно поставляютъ цѣлію личную честь и выгоду: къ чему такое стремленіе приведетъ удобнѣе, къ пожертвованію ли собою отечеству, или напротивъ того къ пожертвованію себѣ отечествомъ?

«Имѣяй уши слышати, да слышитъ. *

«...Да, есть въ томъ польза когда алтарь и престолъ союзны; но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина поддерживающая и тотъ и другой. Благо и благословеніе царю покровителю алтаря: но не боится алтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ священникъ проповѣдующій почтеніе къ царю: но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если-бы то случилось и безъ надежды взаимности.

«Вотъ человѣкъ, который недавно былъ рыболовомъ и который переставъ быть такимъ, не сдѣлался болѣе важнымъ для Іерусалима и Рима и нѣсколько другихъ подобныхъ ему вопіютъ Іерусалимлянамъ и Римлянамъ, іудеямъ и язычникамъ: «Бога бойтеся! Вѣруйте въ

---

* Т. II, стр. 143. Изд. 1848 г.

Господа Іисуса!» Сей голосъ проходитъ вѣка. Тысячи и миріады Іудеевъ вѣруютъ въ Іисуса ими распятаго. Милліоны бывшихъ многобожниковъ убоялись Бога единаго. Повсюду христіанскіе алтари на развалинахъ синагогъ іудейскихъ и капищъ языческихъ. Какой могущественный царь помогъ сему огромному перевороту? Конст'антинъ Великій? Но какъ. Онъ пришелъ къ алтарю Христову, когда сей уже стоялъ на пространствѣ Азіи, Европы и Африки: пришелъ не для того, чтобы поддержать оный своею мощію, но для того, чтобы со своимъ величествомъ повергнуться предъ его святыней. Живый на небесѣхъ рано посмѣялся тѣмъ, которые поздно вздумали унизить его Божественную религію до зависимости отъ человѣческихъ пособій. Чтобы сдѣлать смѣшнымъ ихъ мудрованіе, Онъ три вѣка медлилъ призывать сильнаго царя къ алтарю Христову; а между тѣмъ со дня на день возставали на разрушеніе алтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, хитрость, ярость. Что же наконецъ? Все сіе исчезло, а церковь Христова стоитъ, не потому что поддерживается человѣческою силой...»

«Вотъ и другое воззваніе бывшаго рыбаря: «Царя чтите». Пусть поищутъ, мудрецы сомнѣній и подозрѣній, какая взаимность, выгода, надежда могла заставить проповѣдника пристрастно благопріятствовать царю. Кто былъ царь, который прежде и ближе другихъ встрѣтился съ проповѣдію Святаго Петра?—Иродъ. Какія же услуги оказалъ Иродъ христіанству? Возложи—говоритъ книга *Дѣяній Апостольскихъ* — возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія отъ церкви. Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И приложи... яти и Петра, его же и емъ всади въ темницу. Ангелъ чудесно избавилъ Петра отъ темницы и отъ царя, и послѣ того Петръ проповѣдуетъ: Царя чтите. Чѣмъ также наградила Петра за подвиги апостольскіе держава римская? Не крестомъ почести, а крестомъ распятія. Петръ ожидалъ сего... и почтеніе къ царю проповѣдывалъ подданнымъ царя, отъ котораго пострадать готовился. На чемъ же основывалась сія проповѣдь? Конечно не на взаимности, выгодѣ, надеждѣ. На чемъ же? Безъ сомнѣнія на истинѣ Божественной, а не человѣческой: Бога бойтеся, царя чтите. Первая изъ сихъ заповѣдей тверда самостоятельно: въ мысли о Богѣ необходимо заключается мысль о благого-

вѣніи къ Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того что̀ поставилъ Богъ; но какъ по слову другаго апостола, *нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть, и власть верховная ближайшій на земли къ Богу Божій слуга есть,* то благоговѣя истинно предъ Богомъ, вы не можете не чтить усердно и царя... *

«...Въ наше время у нѣкоторыхъ народовъ возникла новая мудрость, которая вѣковыми трудами государственной мудрости обработанныя и усовершенствованныя государственныя установленія находитъ не только требующими исправленія, но совсѣмъ негодными и хочетъ все переломать и перестроить. По огромности предпріятія можно подумать, что это должно-быть огромная мудрость: и вотъ случай прельщенія. Итакъ, можетъ-быть, неизлишне испытать сію новую мудрость на оселкѣ апостольскомъ. Чиста ли она? — Нѣтъ. Она совсѣмъ не говоритъ о благоговѣніи къ Богу, которое есть единственный источникъ чистоты и потому не имѣетъ мысли о томъ, что христіанство называетъ чистотою. Мирна ли она?—

---

* Т. II, стр. 195, 196.

Нѣтъ она живетъ и дышетъ распрями не только ея послѣдователей съ непослѣдователями, но и послѣдователей между собою. Кротка ли? Надменна и дерзновенна. Исполнена ли милости и плодовъ благихъ?—Нѣтъ жестока и кровожадна. Несомнѣнна ли? — Напротивъ, она ничего не произвела кромѣ сомнѣній, подозрѣній, нарѣканій и недовѣренности...

«Страстные любители знаній могутъ возразить, что это—смѣшеніе понятій: что иное—знаніе, а иное—дѣятельность; иное—мудрость, а иное — добродѣтель. Не споримъ, что онѣ раздѣлены въ понятіи: но такъ ли въ жизни? Можете взять отдѣльно голову и сердце,—мертвыя; но въ живомъ человѣкѣ онѣ находятся въ единствѣ, и голова не живетъ безъ сердца. Такъ можете взять отдѣльно мудрость и добродѣтель въ мертвомъ понятіи: но въ истинной жизни онѣ находятся въ единствѣ; умъ не живетъ безъ сердца, а мудрость—безъ добродѣтели. *

«...Истина есть жизненная пища духа человѣческаго. Уничтожьте истину: въ умѣ останется пустота, гладъ, жажда, томленіе, мука, если только онъ не въ омертвеніи, или не въ

---

* Т. III, изд. 1861 г., стр. 233.

обморокѣ крайняго невѣжества. Если вздумаете питать его образами воображенія, имѣющими преходящій блескъ, но незаключающими твердой истины, ему вскорѣ наскучитъ черпать воду бездоннымъ сосудомъ; жажда его останется неутолимою, и мука неисцѣльною.

«Что̀ значитъ любопытство дѣтей, ихъ желаніе о всемъ спросить и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая опредѣлительно, чего жаждетъ, и потому стремящаяся поглотить что только можно.

«Что ищетъ судія въ законѣ и въ судебномъ дѣлѣ? Истины. Еслибы вы могли увѣрить его, что онъ не найдетъ истины: вы уничтожили бы законъ и правосудіе.

«Чего ищетъ наука въ неизмѣримомъ пространствѣ вселенной и въ тайныхъ хранилищахъ природы человѣческой? Истины. Утвердите что нельзя найти ее: вы поразите науку смертельнымъ ударомъ.

«Но можно ли дѣйствительно находить истину? Должно думать что можно, если умъ безъ нея не можетъ жить, а онъ, кажется, живетъ и конечно не хочетъ признать себя лишеннымъ жизни.

«Были люди, которые хотѣли доказать что истина недоступна познанію человѣческому. Но что значитъ доказать? Значитъ истину, скрывающуюся во мракѣ неизвѣстности, или во мглѣ сомнѣній, вывести на свѣтъ посредствомъ одной или нѣсколькихъ истинъ, ясно познанныхъ и несомнѣнно признанныхъ. Итакъ, истина существуетъ прежде доказательствъ; уже присутствуетъ при ихъ рожденіи и смѣется надъ тѣми которые хотятъ доказать ея отсутствіе или несуществованіе, но для сего принуждены же ее же призвать на помощь.

«Отъ любомудрія новѣйшаго времени можно услышать что ограниченное, многочастное, условное, относительное чувственно являемое (φαινομενον), измѣняющееся, преходящее не представляетъ совершенной истины; что коренная и совершенная истина должна быть найдена въ непреходящемъ, въ неизмѣняемомъ, въ умосозерцаемомъ (νοουμενον), въ отрѣшенномъ, въ безусловномъ, въ единичномъ, въ безконечномъ. Въ сихъ словахъ нѣчто слышится о истинѣ: но не слишкомъ ли мало въ нихъ ясности? Многіе ли удобно и вѣрно выразумѣютъ каждое изъ нихъ? Но развѣ истина только для немногихъ мучителей собственнаго ума, а не для всего человѣчества? И неуже-

ли къ началу свѣта надобно идти непремѣнно темнымъ путемъ. Менѣе ли удовлетворительно и не болѣе ли понятно для всѣхъ, если скажемъ что корень и основаніе истины, средоточіе истинъ, солнце мысленнаго міра есть чистое умопредставленіе, или по вашему, идея Бога, Творца, Вседержителя; и что сія истина весьма доступна познанію всѣхъ человѣковъ; понеже разумное Божіе явѣ есть въ нихъ; Богъ бо явилъ есть имъ; невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество (Рим. 1, 19, 20).

Въ слухъ столицы язычества, въ слухъ народовъ и мудрецовъ языческихъ сказалъ апостолъ Павелъ что *разумное Божіе явь есть* въ нихъ. Такъ онъ былъ увѣренъ что противъ сей истины не можетъ быть основательнаго возраженія. Но вслѣдъ за симъ онъ же, не опасаясь быть въ противорѣчіи съ самимъ собою, сказалъ что сіи самые люди, для которыхъ разумное Божіе явѣ есть, *премѣниша истину Божію во лжу и почтоша и послужиша твори паче Творца*. И на сіе очевиднымъ доказательствомъ также имѣлъ онъ предъ собою цѣлый міръ языческій, и опыты вѣковъ и тысячелѣтій.

«Послѣ сего извольте усмотрѣть, ревнители истины, въ какомъ положеніи находится человѣчество къ истинѣ. Истина такъ необходима ему какъ пища; истина доступна его познанію: и между тѣмъ цѣлый міръ въ продолженіе вѣковъ и тысячелѣтій не умѣлъ найти и привести въ дѣйствіе первую коренную, преимущественно необходимую, *явѣ* поставленную истину. Не несчастно ли человѣчество, не умѣя познать истину, преимущественно необходимую и спасительную? И еще не виновно ли оно предъ Богомъ, не принявъ истины которую *Богъ* явилъ есть? Что же далѣе по естественному послѣдствію предыдущаго и вмѣстѣ по правосудію Божію? Неразрѣшимая мгла сомнѣній? Блужденіе во мракѣ неизвѣстности или вслѣдъ заобманчивыми призраками? Гладная смерть духа, и по кратковременной призрачной душевной жизни, погибель всего человѣка. Такова точно была и была бы навсегда судьба человѣчества еслибы Богъ, Который познавательное о себѣ явилъ человѣкамъ посредствомъ естества сотворенныхъ вещей, по преизбытку милосердія, не явилъ себя вновь посредствомъ Своего воплощеннаго Слова, Своего Единороднаго Сына, Господа Нашего Іисуса Христа.

«Такъ опредѣляется значеніе и открывается сила изреченій Христа Спасителя что Онъ на сіе родился и на сіе пришелъ въ міръ, да свидѣтельствуетъ истину; что только пребывающіе въ словеси Его имѣютъ надежду уразумѣть истину; что Онъ Самъ есть истина и путь къ истинѣ и жизни. Благодать и истина Іисусомъ Христомъ бысть, говоритъ возлюбленный ученикъ Его...

«Не скажетъ ли мнѣ кто-нибудь: это истина Божія; предоставляемъ ее богословамъ; намъ предлежитъ подвигъ о истинѣ естественной, полезной для человѣка и для общества человѣческаго? А мнѣ, братія, предлежитъ забота и подвигъ о томъ чтобы вы не отстраняли отъ себя истины Божіей. Для чего хотятъ разсѣкать истину? Разсѣкать значитъ убивать. Нѣтъ жизни безъ единства. Неужели думаютъ что истина Божія и Христова есть нѣчто постороннее для истины естественной, полезной человѣку и обществу человѣческому, и что послѣдняя также можетъ жить безъ первой какъ и въ соединеніи съ нею? Посмотрите на народы и на общества человѣческія, христіанскія и нехристіанскія. Не тамъ ли ясно свѣтитъ истина естественная: естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная,

благоустроительная и благоукрасительная для человѣческихъ обществъ, гдѣ сіяетъ солнце истины Божіей и Христовой? Не ночь ли покрываетъ естественныя способности и жизнь народовъ, надъ которыми не взошло благодатное солнце истины Божіей и Христовой? Исторгните солнце изъ міра: что̀ будетъ съ міромъ? Исторгните сердце изъ тѣла: что будетъ съ тѣломъ? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божію и Христову изъ человѣчества: съ нимъ будетъ то же что съ тѣломъ безъ сердца, что съ міромъ безъ солнца.

«Но я по призванію любомудръ и естествоиспытатель: какое же должно быть мое отношеніе къ истинѣ откровенія? Не мечтай что ты можешь создать мудрость; помышляй лучше что мудрость можетъ придти и пересоздать тебя: и когда съ Соломономъ найдешь что во *множествѣ* самодѣльной, неудовлетворяющей *мудрости множество досады* и только *крушеніе духа*, тогда нестыдись и не медли исповѣдать и твоему естественному любомудрію призвать на помощь Того, въ Немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна. (Кол. 2, 3)...

«Я изыскатель истины бытописаній человѣческихъ: чѣмъ долженъ я истинѣ Божествен-

ной? Не попусти себя тупымъ взоромъ видѣть въ бытіи человѣчества только нестройную игру случаевъ и борьбу страстей, или слѣпую судьбу; изощри твое око и примѣчай слѣды провидѣнія Божія премудраго, благаго и праведнаго. Остерегись чтобы не впасть въ языческое баснословіе, довѣрчиво слѣдуя тѣмъ, которые въ глубинѣ древности міра указываютъ такъ названныя доисторическія времена. У язычниковъ басня поглотила истину древнихъ событій: мы имѣемъ истинную *книгу бытія*, въ которой нить бытія человѣческаго начинается отъ Бога и перваго человѣка и не прерывается, доколѣ наконецъ входитъ въ таковую ткань разнородныхъ преданій и бытописаній.

«Я изслѣдователь звѣздъ, планетъ и ихъ законовъ: чего отъ меня требуетъ истина Божія? Ты очень искусно возвысилъ проницательность своего зрѣнія, чтобы видѣть въ небесахъ невидимое простому оку: потщись возвысить также искусно проницательность твоего слуха, чтобы ты могъ ясно слышать и возвѣстить другимъ, какъ небеса повѣдаютъ славу Божію. Указано тебѣ для примѣра на одного изъ подвижниковъ твоего поприща. Когда онъ усмотрѣлъ, что одна долго наблю-

даемая звѣзда, въ продолженіе наблюденій, перемѣнила свой сребровидный свѣтъ въ видѣ раскаленнаго угля и потомъ исчезла: онъ заключилъ что съ нею совершилось подобное тому что̀ предречено о нашей землѣ: *земля и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10); и потому сказалъ: слава Богу! Предъ нашими глазами новое свидѣтельство того что міру предстоитъ конецъ; что слѣдственно онъ имѣлъ начало: что есть Богъ Творецъ міра и Владыка судебъ его.

«Я любитель и воздѣлыватель изящнаго слова: долженъ ли я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины? Разсуди, велико ли будетъ достоинство твоего дѣла, если красивые цвѣты твоего слова окажутся безплоднымъ пустоцвѣтомъ? Не лучше ли, чтобы въ нихъ скрыто было плодотворное сѣмя назидательной истины, и чтобъ они издавали благоуханіе нравственной истины?

«Всѣ мы христіане и любомудрствующіе, и въ простотѣ смиреномудрствующіе, да не забываемъ никогда, что Христосъ есть не только истина, но и жизнь. Въ своемъ словѣ и въ своемъ примѣрѣ Онъ содѣлался для насъ путемъ, чтобы привести насъ къ истинѣ и чрезъ истину къ истинной *жизни*. Кто думаетъ

обезпечить себя достиженіемъ нѣкотораго познанія истины Христовой и недовольно старается обратить ее въ дѣйствительную жизнь по ученію и примѣру Христову: тотъ самою истиною обманываетъ себя и подвергаетъ себя опасности умереть на пути...» *

Господь открываетъ... свое училище, какого никто кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его, не могъ образовать; училище всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ, и вмѣстѣ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли— училище, которое не ласкаетъ надеждою степени учительской, а хочетъ сдѣлать всѣ народы не болѣе какъ учениками, но которое будучи такъ неприманчиво, при первоначальномъ образованіи своемъ, привлекло и переучило по своему древле ученый міръ. Училище, въ которомъ, безъ нарушенія справедливаго уваженія и любви къ извѣстнымъ наукамъ, можно замѣтить преимущественно достойные неповерхностнаго любопытства предметы ученія. Слово жизни—философія не по стихіямъ міра, художественными опытами уби-

---

* Т. III, издан. 1861, стр. 333—338. Слово по случаю столѣтія Московскаго Университета.

ваемымъ и раздробляемымъ на мелочи и, по естественной соразмѣрности послѣдствія съ причиною, дающимъ не очень живыя и не очень огромныя познанія, но по живымъ и животворнымъ началамъ премудрости Божіей въ тайнѣ сокровенной, юже уготови Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу; созерцаніе Верховной Единицы въ Единосущной Троицѣ и Троицы въ Единицѣ, какъ истиннаго корня всего числимаго, какъ безмѣрнаго основанія всего измѣряемаго; познаніе земли и неба, не то могильное познаніе земли, которое по глыбамъ и слоямъ сходитъ въ глубину ея какъ въ могилу и остатками разрушенія хочетъ истолковать жизнь погребенную и оставшуюся безъ надежды воскресить погребенную и сохранить оставшуюся; не то стеклянное познаніе неба, которое посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ слѣдитъ пути звѣздъ, не пролагая зрителю пути на небо, но познаніе земли и неба въ началѣ добрыхъ зѣло, потомъ земли проклятой въ дѣлахъ человѣка и неба сдѣлавшагося нечистымъ (Іоан. XV, 15), далѣе земли, которая съ сущими на ней дѣлами сгоритъ, и неба, которое прейдетъ,—наконецъ новаго неба и земли новой, и въ ко-

торыя можемъ переселиться и мы, если правдою жить будемъ; законодательство не какое-нибудь древнее греческое и римское, которому время дало важность и котораго время показало слабость, потому что государства, которыя хотѣло благоустроить и упрочить сіе законодательство давно исчезли,—но законодательство, которымъ Царь неба и земли благоустрояетъ свое царство всѣхъ вѣковъ и свое владычество во всякомъ родѣ и родѣ... Врачебная наука,—преподающая средства не только исцѣлять отъ болѣзней душевныхъ, но и давать воскресеніе отъ смерти духовной, показывающая способы не только сохранять отъ разрушительныхъ нравственныхъ недуговъ жизнь, какую имѣемъ, но и обрѣтать новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное всеисцѣляющее врачевство, Плоть и Кровь Богочеловѣка и единственное начало высшей жизни, благодать Св. Духа: не занимательны ли должны быть сіи предметы? Не достоинъ ли ревностнаго слушанія и послѣдованія Единственный Учитель, Который преподалъ и преподаетъ ихъ въ своемъ вселенскомъ училищѣ? И что же препятствуетъ слушать Его и поучаться отъ Него? Напротивъ, какъ

близко и какъ удобно! *Приступите къ Нему и просвѣтитеся*». *

«Семейство древнѣе государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, мать, дочь и свойственныя этимъ наименованіямъ обязанности и добродѣтели существовали прежде чѣмъ семейство разрослось въ народъ и образовалось государство. Посему жизнь семейная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно чтобы корень былъ крѣпокъ и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностью, приносила плодъ общественнаго благоденствія,—для сего надобно чтобы жизнь семейная была крѣпка благословенною любовью супружескою, священною властью родительскою, дѣтскою почтительностью и послушаніемъ и чтобы вслѣдствіе того изъ чистыхъ стихій жизни семейной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государствен-

---

* Томъ II, изд. 1848 года, стр. 3, 4. Слово при освященіи храма Св. Мученицы Татіаны въ Московскомъ Университетѣ.

ной, чтобы съ почтеніемъ къ родителю родилось и расло благоговѣніе къ царю, чтобы любовь дитяти къ матери была приготовленіемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготовляло и руководило къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти самодержца....*

«...Что нынѣшнее воспитаніе располагаетъ къ своеволію, это правда. Я нерѣдко дивлюсь, съ какою важностью и самостоятельностью ведутъ себя малолѣтнія дѣти при родителяхъ, и сіи какъ будто не смѣютъ прикоснуться къ нимъ **.

«Въ нынѣшнія времена о предметахъ, правилахъ и способахъ воспитанія такъ много разсуждаютъ, пишутъ, спорятъ что, это едва ли не уменьшаетъ довѣрія воспитателямъ отъ воспитываемыхъ, которые слышатъ ихъ препирающимися между собою и видятъ недавно одобренное осужденнымъ. Можетъ быть это и неизбѣжно, по причинѣ умножившихся и о разнообразившихся требованій жизни обществен-

---

* Т. II, стр. 169, изд. 1848 г.

** Письма митрополита Филарета къ архимандриту Антонію. Т. III, стр. 133.

ной и частной, которымъ воспитаніе должно удовлетворять. Притомъ гласность нѣкоторые почитаютъ всеобщимъ врачевствомъ противъ общественныхъ золъ, хотя она иногда и бываетъ источникомъ общественныхъ болѣзней, если слишкомъ неудержимо расширяетъ уста свои не только для правды, но и для неправды *.

«.... Въ мудрованіи сыновъ вѣка сего видны двѣ мысли которыя располагаютъ ихъ жить въ настоящемъ со слѣпою надеждой, или напротивъ съ отчаянною безпечностью въ отношеніи къ будущему: первая что міръ идетъ по своимъ законамъ, и потому одинъ или нѣсколько человѣкъ напрасно усиливались бы дать сей огромной машинѣ желаемое направленіе; другая что человѣчество само собою идетъ къ совершенству, и потому немного важности въ томъ, какъ ударяешь ничтожнымъ весломъ твоимъ по широкой рѣкѣ времени, которая и безъ того течетъ и все по ней плывущее влечетъ къ морю совершенствъ разнаго рода...

«Думаютъ однимъ взоромъ обнять все человѣчество: указываютъ какой-то самодвиж-

---

* Т. III, стр. 309. Изд. 1861 г.

ный ходъ онаго къ совершенству; превозносятъ успѣхи такъ-называемаго просвѣщенія и образованности; обѣщаютъ золотой вѣкъ: и тамъ гдѣ наиболѣе думаютъ что все сіе дѣлается и сдѣлается само собою, и менѣе всего заботятся о благословеніи и просвѣщеніи свыше, тамъ именно и въ то же самое время, не находятъ ни добродѣтелей, ни нравовъ, ни спокойствія, ни безопасности; пороки необузданны, распри безкочечны, союзы не надежны, мудрость сдѣлалась не болѣе какъ промышленностью и познанія товаромъ, книги и зрѣлища наполнены преступленіями и ужасами, какъ темницы и мѣста казней. Скажите пожалуйте, неужели сіе-то и есть прямая дорога и естественный ходъ къ совершенству человѣчества? Или, напротивъ, не суть ли это распутія, дебри, пропасти, уклоненія, заблужденія, паденія?... *.

...«Каковъ нынѣ и между нами жребій праведниковъ? Каковъ судъ изрекаемъ мы на себя и на нашихъ современниковъ, когда сами обыкновенно говоримъ, что наши времена не суть времена святыхъ, что благочестіе и нравы отцевъ нашихъ остались почти безъ наслѣд-

---

* Т. II, стр. 143. Изд. 1848.

никовъ; что бѣдствія, которыми столь многія невинныя жертвы восхищены отъ среды лукавствія, не остановили, если только не ускорили успѣховъ лукавствія,—и говоримъ о сихъ печальныхъ явленіяхъ, съ такимъ участіемъ, какъ бы о ночныхъ призракахъ во время дня? *

«Въ наше время и близь насъ не умножаются ли уста глаголющія суету въ забвеніи Бога и Его заповѣдей? Не глаголютъ ли они часто, свободно и обаятельно, въ бесѣдахъ, на зрѣлищахъ, въ книгахъ?...

«Дѣло суеты начинается тѣмъ что уменьшается вниманіе къ Божественному, заглушается вкусъ къ духовному и усиливается наклонность къ чувственному: плѣняются изящнымъ, ищутъ пріятнаго съ охлажденіемъ къ истинному и доброму; болѣе занимаются игрой, чѣмъ слушаютъ разсудка и нравственнаго чувства. Но только божественное, духовное истинное и доброе, какъ безсмертное и сродное доставляетъ душѣ постоянное услажденіе; а чувственное, какъ тлѣнное, не можетъ удовлетворять ее; пріятное не упроченное истиннымъ и добрымъ мгновенно и перестаетъ быть

---

* Издан. 1873 г., т. I, стр. 217, 218.

пріятнымъ при повтореніи и пресыщеніи, отсюда раждается непрестанная жажда новаго; страсти при ослабленіи вожжей разсудка и нравственнаго чувства легко превращаются въ бѣшеныхъ коней. Дѣло суеты получивъ силу не можетъ остановиться на однѣхъ забавахъ, но, смотря по обстоятельствамъ, больше или меньше, скорѣе или медленнѣе, подается *впередъ*. Куда? Это слишкомъ очевидно въ наше время у сыновъ чуждыхъ. Многочисленныя у нихъ уста глаголющія суету сперва говорили суету пріятную, потомъ нескромную, потомъ соблазнительную, потомъ явно порочную, наконецъ возмутительную и разрушительную. Взволновали умы: вызвали, поощрили, *даже вновь образовали людей*, ихже десница—десница неправды, и такимъ образомъ произошли воды многи, потопъ зла, который подмываетъ основаніе всякаго общественнаго благоустройства и благосостоянія общественнаго и частнаго. Такъ у сыновъ чуждыхъ. Довольно ли мы осторожны? *

«Земледѣльцы на деревенскихъ поляхъ, вдали отъ столицъ сѣютъ сѣмена свои чтобы собрать отъ нихъ насущный хлѣбъ; но Богъ

---

* Т. III, стр. 229, 230.

даетъ избытокъ плода, который проходитъ селенія, питаетъ города и восходитъ на трапезу цареву. Подобно сему сѣйте слово истины и правды, кто можетъ на большомъ, а другіе на маломъ полѣ; поощряйте къ сему другъ друга; посѣвъ можетъ сдѣлаться обширнымъ и общественнымъ. Отъ ревностнаго распространенія въ обществѣ словъ истины и правды долженъ произойти плодъ общественнаго здравомыслія и правдолюбія, а отъ сего обиліе общественнаго мира и благоустройства, и это будетъ добрый даръ подданныхъ царю пекущемуся о благѣ ихъ, содѣйствіе его подвигу въ благоустроеніи царства...

«Привычка легкомысленно метать слово на вѣтеръ, къ сожалѣнію, очень обыкновенная, не даетъ намъ примѣтить какое сокровище часто расточаемъ безъ пользы или со вредомъ для себя и для ближнихъ... Какое сокровище расточаетъ человѣкъ, какой высокій даръ повергаетъ и попираетъ, какую могущественную, животворную и благотворную силу дѣлаетъ бездѣйственною и мертвою, или напротивъ злотворною, когда употребляетъ слово не для истины, правды и благости, но на празднословіе, на срамословіе, на ложь, на обманъ, на клевету, на злоупотребленіе

клятвы, на распространеніе зломудрія. Не будьте къ сему невнимательны или равнодушны чтущіе достоинство слова; ревнуйте о немъ; одушевляйте и вооружайте ваше слово истиною и правдою, и дѣйствуя имъ вѣрно и твердо, не допускайте разлитія глаголовъ потопныхъ (Псал. 51, 6).

«Близь пути слова правды, особенно примѣтны два распутія: на одной сторонѣ—лесть, на другой—злорѣчіе. Одинъ говоритъ: ««надобно съ ближними обращаться пріятнымъ для нихъ образомъ, особенно съ высшими»», и вслѣдствіе сего льститъ. Другой говоритъ: ««надобно черное называть чернымъ»» и подъ этимъ предлогомъ предается злорѣчію. Ни тотъ, ни другой не на правомъ пути: оба на распутіяхъ, которыя не ведутъ къ добру...

«Злорѣчіе, которымъ нѣкоторые думаютъ исправлять зло—невѣрное для этого врачевство. Зло не исправляется зломъ, а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водой, такъ описаніями порока, столь же не чистыми и смрадными, какъ онъ самъ, нельзя очистить людей отъ порока. Умноженіе предъ глазами народа изображеній порока и преступленія, уменьшаетъ ужасъ преступленія и отвращенія отъ порока, и по-

рочный при видѣ такихъ изображеній говоритъ: «не я одинъ, такихъ много; не очень стыдно». Укажите на темный образъ порока не терзая чувства и не оскорбляя вкуса чрезмѣрнымъ обнаженіемъ его гнусностей; а съ другой стороны, изобразите добродѣтель въ ея неподдѣльной истинѣ, въ ея чистомъ свѣтѣ. въ ея непоколебимой твердости, въ ея чудной красотѣ... *

«...Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія. Посему необходимо возставать не вдругъ противу всѣхъ недостатковъ, но въ особенности противъ болѣе вредныхъ и предлагать средства исправленія не вдругъ всепотребныя, но сперва преимущественно потребныя и возможныя. **

«...Усиленное стремленіе къ преобразованіямъ, неограниченная, но неопытная свобода

---

* Т. III, стр. 304—305.

** Письмо къ преосвященному Иннокентію Камчатскому, бывшему митрополитомъ въ Москвѣ, *Русскій Архивъ*, 1881 года, т. II, стр. 28.

слова и гласность, произвели столько разнообразныхъ воззрѣній на предметы, что трудно между ними найти и отдѣлить лучшее и привести разногласіе къ единству. Было бы осторожно, какъ можно менѣе колебать, что̀ стоитъ твердо, чтобы перестроеніе не обратить въ разрушеніе. Богъ да просвѣтитъ тѣхъ, кому суждено изъ разнообразія мнѣнія, извлечь твердую истину. *

«Сильное движеніе управленія отъ единства къ народовластію, неблагопріятно началамъ духовнаго управленія и можетъ обезсилить апостольскую и церковную идею послушанія»... **

«Духъ порицанія бурно дышетъ въ области русской письменности. Онъ не щадитъ ни лицъ, ни званій, ни учрежденій, ни властей, ни законовъ. Для чего это? Говорятъ: для исправленія... А что̀ въ самомъ дѣлѣ должно произойти, если все будетъ обременено и всѣ будутъ обременены порицаніями. Естественно

---

* Письмо къ ректору Моск. Дух. Академіи протоіерею А. Г. Горскому, отъ 10 апрѣля 1867 года, *Творенія Св. Отцовъ*, 1882 года, книжк. IV, стр. 432, 433.

** Тамъ же, стр. 437.

уменьшеніе ко всему и ко всѣмъ уваженія, довѣрія, надежды. Итакъ, созидаетъ ли духъ порицанія или разрушаетъ?» *

Объ избраніи судей, Филаретъ еще въ 1818 году ** произнесъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ слово, многія мѣста коего имѣютъ прямое приложеніе и къ новымъ судамъ, хотя строй ихъ уже совсѣмъ не тотъ, что̀ прежде:

«...Избирателямъ судей не такъ же ли нужно знать и чувствовать важность суда, какъ и самымъ судіямъ? Избраніе судей есть сѣяніе того, что̀ должно принести плодъ въ судѣ; а судъ есть жатва того, что̀ посѣяно въ избраніи: можно ли надѣяться доброй жатвы послѣ худаго сѣянія и можетъ ли быть доброе сѣяніе, когда сѣятель не думаетъ о томъ, что́ сѣетъ? Сѣятели правды и мира, не посѣять бы вамъ не правды и раздора, клеветы и мздоимства? Благородные мужи и граждане, облекаемые нынѣ въ санъ избирателей и такимъ образомъ поставляемые судьями буду-

---

* Рѣчь при открытіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ.

** Въ то время викарій С.-Петербургской митрополіи.

щихъ судей! Готовясь произнесть клятву въ вѣрности сего чрезвычайнаго служенія вашего престолу и отечеству, разсмотрите прежде внимательно, какое важное дѣло предлежитъ вамъ. *Видите, что̀ вы творите?* (2 Паралип. XIX, 6, 7).

«...Устроеніе суда чрезъ избраніе важнѣйшихъ блюстителей общественнаго порядка и правосудія, есть одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ: отъ него много зависитъ благо или зло многихъ людей, благоустройство или нестроеніе общества, совершенство или несовершенство союза между государемъ и государствомъ.

«Судъ есть ограда собственности и личной безопасности, а судія есть стражъ сея ограды. Безъ суда всякая земля была бы, подобно какъ нѣкогда земля Ханаанская, землею поядающею, живущія на ней; не было бы другой собственности, кромѣ добычи хищника, до которой не достигла рука другаго хищника; не было бы другой безопасности, кромѣ безопасности вооруженнаго и бодрствующаго воина, или безопасности сильнаго притѣснителя, доколѣ онъ не встрѣтится съ сильнѣйшимъ... Но что́—крѣпкая ограда, если стражъ ея ненадеженъ? Что̀ и укрѣпленный законами

судъ, если въ немъ дѣйствуетъ недостойный судія? Правда, законъ поставленъ не только для подсудимыхъ, но и для судіи, дабы вразумлялъ его и управлялъ имъ; но мудрость и справедливость закона, суть заключенныя сокровища, если не отверзутся мудростью и справедливостью очи судіи. Законъ подчиненъ необходимости и не можетъ подвигнуться, чтобъ удержать при себѣ судію, но судія свободенъ и можетъ уклониться отъ закона. Какъ искусный ловецъ и хитрыхъ звѣрей уловляетъ, и поражаетъ сильныхъ, и приводитъ въ безопасность кроткое стадо; такъ искусный судія, простирая мудрую сѣть законнаго изысканія и дѣйствуя силою законовъ, и уловляетъ коварныхъ, и низлагаетъ дерзкихъ преступниковъ, и приводитъ въ безопасность добрыхъ гражданъ; а у неискуснаго или невинные увязаютъ въ сѣти, простираемой для виновныхъ, или виновные расторгаютъ ее. Судія справедливый, изъясняя законъ совѣстію, дѣлаетъ добро и невинному, котораго оправдываетъ и, виновному, котораго осуждаетъ, пресѣкая для одного зло, которое онъ претерпѣвалъ, въ другомъ—еще болѣе существенное зло, которое онъ дѣлалъ; а судія, несправедливый бѣдственнѣйшимъ образомъ, умно-

жаетъ зло, которое долженъ былъ истреблять или хотя уменьшать...

«Не ограничиваясь благомъ частныхъ людей, которое и не можетъ быть безъ общаго, судъ есть также орудіе общественнаго благоустройства и благосостоянія. Судія, какъ блюститель общественнаго порядка, долженъ обнимать и проникать мыслью весь составъ общества; долженъ постигать единство сего многочленовнаго тѣла въ самомъ основаніи онаго и потребности его во всемъ ихъ разнообразіи, дабы могъ быть надежнымъ охранителемъ его жизни и врачемъ его болѣзней. Если мы бываемъ осмотрительны въ избраніи врача и для легкой болѣзни, даже малѣйшаго изъ членовъ нашего тѣла, какая осмотрительность потребна... въ избраніи врача, которому болѣе или менѣе ввѣрится здравіе и жизнь великаго тѣла общества. *Видите, что вы творите.*

«Орудіе благосостоянія для цѣлаго тѣла общества и членовъ его, есть особеннымъ образомъ орудіе верховной власти, которая есть глава и сердце сего тѣла. И всѣ члены тѣла соединены со главою и покорены ей; но не важнѣйшіе ли между прочими тѣ, которые, покорствуя ей, способствуютъ ея благотвор-

ному владычеству надъ прочими? Всѣ они почерпаютъ силу жизни отъ источника сердца; но не важнѣйшіе ли тѣ, которые, будучи ближайшими преемниками ея, должны распространять ее по всему составу? Судія есть око верховной власти, дабы надзирать благосостояніе всего тѣла государства и каждаго изъ членовъ его; ея мышца, дабы приводить ихъ въ правильное движеніе; ея руки, дабы простирать ее для охраненія ихъ; онъ есть преемникъ и сопроводитель животворной силы, текущей отъ сердца во все тѣло государства—любви государя къ подданнымъ. Но какой будетъ союзъ главы или сердца съ цѣлымъ составомъ тѣла—верховной власти—съ обществомъ, если тусклое или померкшее око не будетъ представлять главѣ ни состоянія, въ которомъ находятся члены, ни опасностей, которыя имъ угрожаютъ? Если разслабленная мышца не будетъ подымать тяжести членовъ, которые чрезъ нее должны быть приводимы въ движеніе, или будетъ производить только безпорядочныя содраганія? Если рука, по волѣ главы долженствующая покрывать и охранять члены, будетъ ихъ обнажать и терзать? Если орудія мудрости и благости государя будутъ преграждать ихъ благотворныя вліянія, а не

распространять по всему составу государства? Вамъ, избиратели, предлежитъ посредствомъ избранія представить достойныя орудія Верховной власти, представить ей таковыми еще прежде самихъ себя въ самомъ избраніи; ваше дѣло долженствуетъ, если не укрѣпить уже тѣснѣйшій союзъ государя съ государствомъ, по крайней мѣрѣ способствовать къ сохраненію его совершеннымъ и ненарушимымъ,— союзъ всегда вожделѣнный, но тѣмъ болѣе драгоцѣнный въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ очевиднѣе основывается онъ на любви и украшается довѣренностью государя къ подданнымъ, какъ свидѣтельствуетъ самое право избранія, вамъ дарованное... Вамъ, избиратели предлежитъ оправдать сію высокую довѣренность, не огорчить сію державную любовь. *Видите, что̀ вы творите*». *

«Попеченіе объ устройствѣ такой системы наказаній, которая была бы направлена къ цѣли исправлять виновныхъ и противодѣйствовать поползновеніямъ къ проступкамъ и преступленіямъ, и которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ умягчала правосудіе кротостію, коснувшись предѣловъ духовнаго вѣдомства, породило во-

---

* Т. I. Изд. 1877 г., стр. 250—254.

просъ: какое можетъ быть правильное воззрѣніе на тѣлесныя наказанія со стороны христіанства?

«При разсмотрѣніи сего вопроса, прежде всего надобно имѣть въ виду, что Христосъ Спаситель созидалъ церковь, а не государство. Силою внутренняго благодатнаго закона Онъ благоустрояетъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣковъ. Государство старается силою внѣшняго закона поставить въ порядокъ и охранить въ порядкѣ частную жизнь человѣка и общественную жизнь государства.

«И по сему государство не всегда можетъ слѣдовать высокимъ правиламъ христіанства, а имѣетъ свои правила, не становясь чрезъ то недостойнымъ христіанства. Напримѣръ, христіанство говоритъ: *Хотящему судитися съ тобою и* (посредствомъ неправды въ судѣ) *ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* Но государство̀ не можетъ сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что̀ еще не отнято у тебя. Съ такимъ правиломъ не могло бы устоять государство, въ которомъ есть и добрые и злые. Оно по необходимости говоритъ ограбленному: иди въ судъ; по суду грабитель (хитрый или наглый)

долженъ возвратить отнятое, и быть обличенъ и наказанъ.

«Вотъ изреченіе Христа Спасителя, касающееся наказаній, опредѣленныхъ въ законѣ Моусеевомъ: *Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: не противитеся злу* (Матѳ. V, 38, 39). То-есть: по закону Моусееву, выколовшій у другаго глазъ, долженъ быть наказанъ выколотіемъ глаза, выбившій зубъ—выбитіемъ зуба; но вы не противоборствуйте дѣлающему вамъ зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщеніе. И вотъ опять правило, которому не можетъ слѣдовать законодательство государственное. Спаситель не кодексъ уголовный исправляетъ; не о томъ говоритъ, чтобъ измѣнить родъ и степень наказанія, Онъ преподаетъ духовный законъ—терпѣть и не домогаться наказанія за обиду.

«Итакъ вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ, стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Есть ли государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточными болѣе кроткіе роды онаго: христіанство ододритъ сію кротость. Есть ли государство найдетъ

неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесное наказаніе: христіанство не осудитъ сей строгости, только бы наказаніе было справедливо и нечрезмѣрно.

«Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: *Числомъ четыредесятъ ранъ да наложатъ ему* (Втор. XXV, 3), съ тѣмъ, чтобъ это разрушительно дѣйствовало на нравственность Еврейскаго народа.

«Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ наказываемомъ всякое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдиться. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшился на преступленіе. Поздно щадить въ немъ сіе чувство во время наказанія.

«Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью?

«Есть ли какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производитъ въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью, такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унизительное наказаніе, симъ удовлетворяютъ правосудію, укрѣпляются въ надеждѣ небеснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, пріѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что это люди честные и достойные полнаго довѣрія. Видно тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности. Неизвѣстно, такъ ли теперь: можетъ быть не бывшіе подъ наказаніемъ, не такой какъ прежде примѣръ подаютъ наказаннымъ.

«Но да возвратится слово на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ Синедріона безвинно тѣлесныя наказанія, *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти*

(Дѣян. V, 41). Апостолъ Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *Трижды палицами біенъ бихъ* (2 Кор. XI, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними. Итакъ по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе.

«Нѣкоторые полагали бы совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія и замѣнить ихъ тюремнымъ заключеніемъ. Для сего при многолюдномъ городѣ потребовалось бы построить и содержать почти городъ тюремный.

«Для сего потребовались бы огромныя издержки, единовременныя и непрерывныя.

«Изъ какихъ суммъ? Изъ государственныхъ доходовъ. Откуда государственные доходы? Изъ налоговъ на народъ. Итакъ, чтобъ облегчить истинную или мнимую тягость виновныхъ, надобно положить новую тягость на невинныхъ. На сей случай и христіанское, и просто человѣческое милосердіе можетъ сказать: хорошо миловать виновныхъ, но еще нужнѣе не отягощать невинныхъ.

«Указано въ направленіе противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе: *Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію.*

«Много указано свидѣтелей; жаль, что ни одинъ не наименованъ и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что̀ именно говорятъ они. Указаны даже и не существующіе. То, что̀ мы называемъ святителями въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ, не признается и не существуетъ.

«Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника.

«И что̀ значитъ: защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но есть ли можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ?

«Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. *Ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти.* (Притч, XXIII, 14).

«Есть мысли, блещущія нравственною красотою, такъ, что въ нихъ, какъ въ солнцѣ,

не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе: *законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія.* Прекрасно. Однако, если разсмотрѣть внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, то-есть нѣчто не истинное. Нельзя осудить *всякое* насильство *безусловно.* Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо *насильство*, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить *насильство*, чтобъ его схватить и сковать.

«Такимъ образомъ, мысль блистательная, но не строго вѣрная, не обѣщаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ.

«Слышно, что недавно въ Англіи разсматриваемъ былъ вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи и что тамошніе военачальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ воинахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно

было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ.

«Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса.

«*Время молчати*».

II.

«Особенное время, на которое Имѣющій въ рукѣ Своей власть земли, какъ необходимо потребнаго воздвигъ Александра I, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и престолъ царя и алтари Христовы у народа, который дотолѣ, повидимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти * который то уносилъ престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было; и который наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что еслибы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей излишній на земли,

---

* Наполеонъ I.

что еслибы не воздвигъ Господь потребнаго на ней? Что было бы съ народами, которые со дня на день, умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія и увеличивали силу поработителя?... Что было бы съ священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое не порфиродный царь оскорблялъ сугубо и униженіемъ порфирородныхъ и возвышеніемъ непорфиродныхъ? Что было бы съ народнымъ духомъ, что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе, никакихъ границъ неуважавшаго властителя, непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знаніе—изобрѣтать только средства для его цѣли, искусства—производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и христіанскому богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ, возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія....?

«Какая бездна золъ открывается при семъ размышленіи! Потому, какое безпредѣльное

благодѣяніе Имѣющаго въ рукѣ своей власть земли, что воздвигъ на ней Александра, дабы заключить сію бездну? ...

«Богъ, который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя..., хитрости—правду, дерзости—твердость и терпѣніе, надменности—кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія—упованіе на помощь и Провидѣніе Божіе. И что же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи... Невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выдти изъ заблужденія. Союзомъ названныя оковы многихъ царствъ распались. Александръ съ побѣдою въ столицѣ разрушившихъ тебя возрожденная потомъ столица Александра... * Ни къ чему не прикасается; ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ христіанскую честь ихъ царю-мученику; ** даетъ имъ безопасность провозгласить изгнан-

---

* Говорится о Москвѣ сожженной въ 1812 году и о Парижѣ взятомъ русскими войсками.

** Людовику XVI.

наго царя и возстановить законный, но давно разрушенный престолъ. Какая необыкновенная побѣда надъ врагами...

...«Неукротимый дотолѣ духъ браней связанъ. Союзамъ царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, Александръ сильнымъ примѣромъ своимъ положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ христіанскій. Несогласія народовъ или прекращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечъ, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство Александра стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ Александръ обращается противъ враговъ внутреннихъ, противъ неправосудія, неблагочинія, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями обходитъ землю ему подвластную....

«Царю царей! Ты взялъ сего царя, какъ праведнаго отъ лица неправды, когда она готовилась вновь разродиться отступленіемъ отъ царей; ибо разрушителя крамолъ всемірныхъ надлежало устранить отъ тяжкой скорби ви-

дѣть ихъ отрасль проникшую даже въ отечество *.

Въ своемъ знаменитомъ разсужденіи *О причинахъ нашихъ успѣховъ въ войнѣ 1812 года* митрополитъ Филаретъ говорилъ:

«...Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ Провидѣнія.

«Что̀ есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. Итакъ чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго Правителя міра соблюденіемъ Его закона, благочестіемъ и добродѣтелью, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ Его правленія, тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется Имъ, тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ Него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно мо-

---

* Слово при гробѣ Императора Александра I, Т. II, стр. 253, 254.

жетъ-быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ или до исполненія мѣры его беззаконій; но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы.

«Что̀ есть государство? Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо̀, какъ въ началѣ единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя. Итакъ, чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его представляютъ собою отцевъ великаго и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подданными узы—неразрывнѣе, ревность ко благу общему—живѣе, дѣятельность—неутомимѣе, едино-

душіе—неразлучнѣе, крѣпость—необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкіе оковы, есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолы безъ подпоры, отечество сиротствуетъ.

«Что̀ есть государство? Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравстенности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что̀ иное какъ примѣненныя къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона и ограды поставленныя противъ его нарушенія. Итакъ, гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда когда никто не стережетъ

ея; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ и когда могли бы сохранить жизнь—ихъ нарушеніемъ. Если же законъ живущій въ сердцахъ изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнетеніемъ, и оба приближаютъ общество къ паденію.

«Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества (въ 1812 году): онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

«Вѣруетъ Россійское царство, что владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ; и, неотступно держась вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ Него пріяло мощь, дабы не колеблясь удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо. Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій монархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу и не усомнился въ

народѣ своемъ. Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ, отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ: вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ, утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столицѣ, исполняли свои руки святотатствами, осквернили храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ съ того времени какъ, по исполненіи дней

тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ Своего благоволенія на необозримомъ поприщѣ, колико знаменитыхъ, только же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и украшается побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ Бога отмщеній?

«Кроткій союзъ любви между подданными и государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ отцомъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившей невредимою цѣлость государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію и сообщившей благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. Когда уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какія жь необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было, и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безъ опаснаго стѣсненія народа! Одно слово государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригласилъ его

ко всеобщему возстанію противу врага, и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слiянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ отечествѣ. Приверженность народа къ своему правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись или прерывались сношенія съ правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы Россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самаго, нежели для опустошенной имъ столицы, не могло быть укрощено ни присут-

ствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ своему государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшаясь страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ вокругъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ.

«Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ и не ослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго, законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: ««Не смущайся «сомнѣніемъ и неизвѣстностію; въ клятвѣ, ко«торую ты далъ въ вѣрности царю и отече«ству, ты найдешь ключъ къ мудрости, раз«рѣшающей всѣ недоумѣнія. Находясь цѣлую «жизнь подъ защитою законовъ и правитель«ства, воспользуйся случаемъ быть хотя од-

«нажды защитою законовъ и правительства. «Не страшись опасности, подвизаясь за прав-«ду: лучше умереть за нее, нежели пережить «ее. Искупи кровію для потомковъ тѣ блага, «которыя кровію купили для тебя предки. Укло-«няясь отъ смерти за честь вѣры и за свобо-«ду отечества, ты умрешь преступникомъ или «рабомъ: умри за вѣру и отечество, ты пріи-«мешь жизнь и вѣнецъ на небѣ.» Вотъ правила которыя Россійскій народъ не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудное искусство быть непобѣдимымъ, собирающее войска безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченія, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно свободная наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей, въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ, и которою теперь съ толикимъ успѣхомъ освобождаетъ ихъ отъ рабства!...

«....Господи, въ руцѣ Котораго власть земли и Который потребнаго воздвигаеши во время на ней (Сир. X, 4)! На какое трудное время обрѣлъ Ты потребнымъ избраннаго и воздвигнутаго Тобою (императора) Николая. Въ то

самое время, когда онъ вступалъ на родительскій и прародительскій престолъ ему надлежало перешагнуть чрезъ опасность или лучше сказать чрезъ бездну, грозившую поглотить и престолъ и царство. Онъ не поколебался; заградилъ бездну; мы успокоились... *

«.....Лукавое съ дерзостью явилось было въ то самое время, когда Николай Первый долженъ былъ возсѣсть на прародительскій престолъ; и внезапная буря угрожала общественному порядку и безопасности. Но царь, твердый правдою своего призванія и упованіемъ на Бога, не поколебался ни на мгновеніе; крѣпостію своего духа запретилъ бурѣ; утвердилъ престолъ въ то самое время, когда возсѣлъ на него; въ первый день царствованія сдѣлался избавителемъ царства. **

«Вскорѣ потомъ двѣ нехристіанскія державы, одна за другой, вызывали его на подвиги бранные: и хотя открытая сила враговъ подкрѣпляема была не менѣе значительною тайною силою завидующихъ Россіи; однако правда и крѣпость нашего царя въ брани и умѣренность въ побѣдѣ низлагали открытое и обезоруживали скрытое противоборство...

---

* Изд. 1877 г. III, стр. 464.

** Т. III, стр. 249, изд. 1861 г.

«Такъ было и тогда, когда народъ не совсѣмъ иноплеменный (Поляки), утраченное имъ достоинство царства получившій только по милости русскаго царя и доведенный до безпримѣрнаго въ прежней исторіи его благоустройства и благосостоянія, воздалъ за благодѣянія неблагодарностію и за благоуправленіе мятежомъ. Грозенъ и неотвратимъ былъ громовой ударъ царской правды, поразившій крамолу и своеволіе: но вслѣдъ за тѣмъ, подобно какъ громовое облако благотворнымъ дождемъ разрѣшилась царская правда царскою милостью....

«Хотите ли видѣть во внутреннихъ дѣлахъ государства невозмущаемую затрудненіями правду цареву? Посмотрите на законодательство. Вѣкъ прошелъ до Николая Перваго въ неутвердившихся предположеніяхъ и въ неуспѣшныхъ трудахъ, чтобы дать благоустройство русскому законодательству. Онъ совершилъ сіе въ немногіе годы.

«....Единство вѣры есть важное покрѣпленіе единству народности, и оба сіи единства вмѣстѣ имѣютъ важное отношеніе къ силѣ государства. Около двухъ милліоновъ русскаго народа, прежде единовѣрныхъ, въ три прошедшіе вѣка, чуждою хитростію и насиліемъ отторжены были отъ православной церкви и

употреблены продолжительныя всевозможныя усилія прикрѣпить ихъ къ церкви западной. Правительство же русское поступало съ ними по правиламъ вѣротерпимости. По сему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надѣяться ихъ возсоединенія съ православною церковью. Но они вдругъ, собственнымъ движеніемъ, подъ предводительствомъ всѣхъ своихъ высшихъ пастырей, почти всѣхъ священнослужителей, тихо и свободно пришли въ православную церковь, подобно какъ овцы возвращаются во дворъ овчій, изъ котораго недавно вышли....

«Но я не жатву собираю, а только срываю нѣкоторые колосья на полѣ царскаго двадцатипятилѣтія.

«Можно ли однако не упомянуть о послѣднихъ событіяхъ (венгерская революція), когда правда царя нашего подвиглась на защищеніе оскорбленнаго царя—союзника?.. Для сопротивленія поднятъ былъ почти поголовно цѣлый народъ, обольщенный и обладаемый сынами лукавства, изъ многихъ народовъ соединившимися въ единомысліе лукавства.... *

---

* Изд. 1861 г., т. III, стр. 249, 250.

«По истинѣ Россія, можетъ, говорилъ митрополитъ о войнѣ 1853—1855 годовъ, приносить Богу правды древнюю жалобу: *умножися на мя неправда гордыхъ.*

«Послѣ неправды сосѣда, который, бывъ защищенъ Царемъ Россіи отъ сильнаго мятежника, нарушилъ царственные договоры и древнія права святыхъ мѣстъ, утѣснилъ православныхъ христіанъ и тѣмъ началъ распрю. Сколько еще родилось неправдъ? Возстала неправда гордыхъ, которая не могла спокойно смотрѣть на побѣдоносное могущество Россіи, впрочемъ ни для какого царства и народа не тягостное, а для многихъ благотворное и судя по себѣ не хотѣла вѣрить правдѣ Россіи; вымышляла мечтательныя на нее подозрѣнія, и обвиненія и раздражала ими умы народовъ. Возбудилась неправда своекорыстія и недовольствуясь многими уже, широкими путями къ пріобрѣтенію, взыскала открыть себѣ новые оружіемъ и кровопролитіемъ. Была ли правда въ предпріятіи миротворства, когда предложившія условія мира, какія они нашли безобидными для обѣихъ разногласящихъ сторонъ, получивъ на оныя согласіе Россіи вмѣсто того, чтобы соединиться съ нею и поддерживать общее уже съ нею

дѣло мира, обратились на сторону противника ея и возжгли войну? Была ли правда и въ другомъ подобномъ предпріятіи, когда довѣренные воюющихъ и невоюющихъ державъ нашли путь, которымъ всѣ они полагали возможнымъ дойти до мира, но двѣ державы вновь обратились рѣшительно на путь войны, не оправдывая сего никакими причинами и скрывая свои намѣренія? Не явны ли неправды войны, въ которой враги наши свои неудачи противъ укрѣпленныхъ мѣстъ думаютъ вознаграждать опустошеніемъ беззащитныхъ, коварно употребляютъ знамя мира, чтобъ убивать и грабить не ожидающихъ битвы, не щадятъ немощнаго пола и возраста, оскорбляютъ святыню поруганіемъ и святотатствомъ? Есть ли правда въ союзѣ, въ который вступили христіане съ невѣрными противъ христіанъ, съ желаніемъ договоры въ пользу христіанъ по праву заключенные, безъ права уничтожить, въ которомъ защищающіе попираютъ защищаемаго, въ который не побужденіями справедливости, а угрозами и прельстительными обѣщаніями стараются вовлекать царей и народы, чтобъ они проливали кровь за дѣло имъ чуждое? *

* Т. III, стр. 288.

«Нельзя равнодушно воспоминать какія трудности надлежало преодолѣвать въ сей брани россійскому воинству, какія тягости долженъ былъ понести народъ, какимъ лишеніямъ и страданіямъ подвергались отъ враговъ наши соотечественники близкіе къ позорищу войны. Но съ сими печальными воспоминаніями соединено утѣшительное и величественное. Наши воины моря, начавъ свои подвиги истребленіемъ турецкаго флота, когда должны были уклоняться отъ чрезмѣрно превосходной морской силы нѣсколькихъ державъ, не только не уступили своихъ кораблей, но и сдѣлали изъ нихъ подводное укрѣпленіе для защиты пристани и города. Потомъ соединенные воины моря и суши одиннадцать мѣсяцевъ побѣдоносно противостояли въ Севастополѣ многочисленнѣйшимъ войскамъ четырехъ державъ и безпримѣрнымъ донынѣ разрушительнымъ орудіямъ. Наконецъ, хотя и допущены враги работать надъ оставленными имъ развалинами, для умноженія развалинъ: но въ Севастополѣ донынѣ (до заключенія Парижскаго мира) стоитъ русское воинство. На дальнемъ востокѣ малое укрѣпленіе съ горстью людей отразило морское и сухопутное нападенія несравненно сильнѣйшихъ враговъ, по признанію участвовавшихъ

въ томъ болѣе молитвою, нежели силою. На западѣ два сильнѣйшіе флота безполезно истощали свои усилія противъ одной крѣпости, а на другую смотрѣли только издали. На сѣверѣ было странное противоборство: съ одной стороны военныя суда и огнестрѣльныя орудія, съ другой—священно-служители и монашествующіе, со святынею и молитвою ходящіе по стѣнѣ и нѣсколько человѣкъ со слабымъ и неисправнымъ оружіемъ: и обитель осталась непобѣжденною и святыня неприкосновенною. Противъ Россіи дѣйствовали войска четырехъ державъ; и въ числѣ сихъ были сильнѣйшія въ мірѣ. Изъ державъ мирныхъ нѣкоторыя были вполнѣ мирны; а нѣкоторыя своимъ неяснымъ положеніемъ уменьшали удобство нашего дѣйствованія, и все обращалось въ удобство для враговъ. И несмотря на все сіе, въ Европѣ мы не побѣждены, а въ Азіи мы побѣдители. Слава россійскому воинству! Благословенна память подвижниковъ отечества, принесшихъ ему въ жертву мужество, искусство и жизнь!» *

По случаю заключенія Парижскаго мира митрополитъ Филаретъ 29 марта 1856 года

---

* Т. III, стр. 343.

сказалъ Государю Императору Александру Николаевичу слѣдующее:

«Къ тебѣ очи наши и сердца, какъ прежде: тогда какъ не прежнее видимъ въ твоемъ второмъ царскомъ лѣтѣ.

«Ты наслѣдовалъ войну упорную противъ насъ и противъ мира: и даровалъ намъ миръ.

«Твоя правда и мужество не отказались отъ войны: твое человѣколюбіе не отказалось отъ предложеннаго мира.

«*Не побѣдили Россіи* враги: ты побѣдилъ вражду... *

Въ апрѣлѣ 1856 года митрополитъ Филаретъ въ письмѣ своемъ къ князю С. М. Голицыну какъ бы разъясняетъ свою мысль, что Россія не была побѣждена подъ Севастополемъ:

«Возвращаю вашему сіятельству *кіевское поученіе*. Простите, оно не очень меня плѣнило. Первый годъ царствованіи (АлександраII) описанъ чертами свыше нужды темными. Какая въ этомъ польза? Мы должны говорить для наставленія: наставленія изъ сего никакого не выведено.

---

* Т. III, 378.

«Проповѣдникъ говоритъ, что Севастополь ««отданъ врагамъ»». — Неправда. Сѣверная часть его не отдана донынѣ.

«Говоритъ: враги торжествуютъ.—Невѣрно. Англичане побѣждены нами; и для Французовъ не велико торжество, когда они отъ нѣсколькихъ укрѣпленій отбиты и одно только взяли.

«Борется съ вопросомъ: почему враги не наказаны? Здѣсь опять неточность. Они не мало наказаны: ихъ много погибло собственно отъ войны; много истреблено болѣзнями и бурею на морѣ. Слѣдственно правосудія не только ожидать должно въ будущемъ, но частію оно уже и явилось.

«Говоритъ, что государь ««не могъ отречься отъ мира»»—опять неточность, имѣющая неблагопріятный видъ. Что за невозможность? Государь властенъ былъ продолжать войну, но заблагоразсудилъ предпочесть миръ.

«Если Богъ посылаетъ непріятное, надобно сіе смиренно признавать, но не преувеличивать: ибо сіе можетъ вести къ упадку духа, а не къ пользѣ». *

---

* Автографъ этого письма въ настоящее время въ числѣ другихъ находится въ редакціи *Православнаго*

Въ день священнаго коронованія Императора Александра Николаевича, 26 августа 1856 года, митрополитъ сказалъ Государю въ Успенскомъ соборѣ слѣдующее:

«Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный Великій Государь Императоръ!

«Благословенъ Царь царствующихъ! *Онъ положилъ на главѣ твоей вѣнецъ отъ камене честна* (Пс. 20, 4). Съ увѣренностью говорю сіе потому, что изъ устъ пророка беру слово, изображающее судьбу царя, праведно воцарившагося.

«Богъ вѣнчалъ тебя: ибо Его Провидѣніе привело тебя къ сему закономъ престолонаслѣдія, который Онъ же положилъ и освятилъ, когда, пріявъ царя въ орудіе своего богоправленія, изрекъ о немъ свое опредѣленіе: отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ (Пс. 131, 11).

«Богъ вѣнчалъ тебя: ибо Онъ *даетъ по сердцу* (Пс. 19, 5), а твое сердце желало не торжественнаго только явленія твоего величества, по наипаче таинственнаго осѣненія отъ Гос-

---

Обозрѣнія, въ коемъ наслѣдники князя С. М. Голицына печатаютъ письма къ нему митрополита Филарета.

подня *Духа владычняго, Духа премудрости и вѣдѣнія, Духа совѣта и крѣпости.*

«Мы слушали твою о семъ молитву нынѣ: Сердцевѣдецъ внялъ ей ранѣе; и когда ты медлилъ пріять вѣнецъ твой, потому что продолжалъ защищать и умиротворять твое царство, Онъ ускорилъ утишить бурю брани, чтобы ты въ мирѣ совершилъ твою царственную молитву, и чтобы вѣнецъ наслѣдія былъ для тебя и вѣнцомъ подвига.

«Итакъ *Господа силою возвеселися* Боговѣнчанный *царь и о спасеніи Его возрадуйся зѣло!* (Пс. 20, 1).

«Возрадуйся такожде и ты, благочестивѣйшая Государыня, о славѣ твоего всепресвѣтлѣйшаго супруга, свыше освѣщаемой и освящаемой и лучемъ священнымъ и тебя озаряющей....

«Свѣтло возрадуйся православная церковь, и твоя соборная молитва, вѣры, любви и благодарности да восходитъ къ престолу Всевышняго, когда Онъ *на избраннаго отъ людей* своихъ полагаетъ печать Своего избранія, какъ на вожделѣннаго первенца твоихъ сыновъ, на твоего вѣрнаго и крѣпкаго защитника, на преемственнаго исполнителя древняго о тебѣ слова судебъ: будутъ царіе кормители твои (Пс. 49, 23).

«Свѣтися радостію Россія. Божіе благословеніе возсіяло надъ тобою во священной славѣ царя твоего. Что можетъ быть вожделѣннѣе, что радостнѣе, что благонадежнѣе для царства, какъ царь, который полагаетъ сердце свое *въ силу Божію* (Пс. 17, 14), которому царскій вѣнецъ тогда пріятенъ, когда принятъ отъ Царя небеснаго, который царскія доблести, намѣренія, дѣятельность желаетъ освятить и освящаетъ *помазаніемъ отъ Святаго?*

«По истинѣ, благочестивѣйшій Государь, чтобы отъ вѣнца царева, какъ отъ средоточія, на все царство простирался животворный свѣтъ *честнѣйшей каменей многоцѣнныхъ* (Притч. 3, 15) мудрости правительственной, чтобы мановенія скипетра царева подчиненнымъ властямъ и служителямъ воли царевой указывали всегда вѣрное направленіе ко благу общественному, чтобы рука царева крѣпко и всецѣло обымала державу его, чтобы мечъ царевъ былъ всегда уготованъ на защиту правды и однимъ явленіемъ своимъ уже поражалъ неправду и зло, чтобы царское знамя собирало въ единство и вводило въ стройный чинъ милліоны народа, чтобы труда и бдѣнія царева доставало для возбужденія и возвышенія ихъ дѣятельности и для обезпеченія

ихъ покоя,—не высшій ли мѣры человѣческой потребенъ для сего въ царѣ даръ?—Но посему-то наипаче и радуемся мы что, будучи рожденъ царствовать, будучи присно-памятнымъ родителемъ твоимъ уготованъ царствовать, дѣйствительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И вѣренъ *Вознесшій Тебя отъ людей своихъ* (Пс. 88, 20), по вѣрѣ твоей и твоего народа въ пріемлемомъ тобою нынѣ священномъ помазаніи даровать тебѣ невидимо помазаніе благодатное свѣтоносное, пребывающее, дѣйствующее тобою къ нашему истинному благополучію, къ твоей истинной радости о нашемъ благополучіи,—подобно какъ древле, по царскомъ помазаніи благодатно и благотворно *ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ»* (1 Цар. 16, 13). *

Вспоминая въ другой своей бесѣдѣ съ паствою коронованіе Императора Александра II митрополитъ говорилъ:

«Вспомнимъ, что это былъ достопамятный Бородинскій день, въ который Россія одна противустояла всей Европѣ, въ который духъ завоеванія и преобладанія, не знавшій дотолѣ преградъ, приразился челомъ къ стѣнѣ, встрѣ-

* Т. III, стр. 379, 380. Изд. 1861 г.

тясь съ духомъ любви къ Царю и отечеству. Сему дню по достоинству досталась честь быть днемъ Царскаго вѣнца и торжественнымъ свидѣтелемъ любви народной къ Царю.

«Вспомнимъ тогдашнее ясное и тихое утро. Оно какъ бы нарочно приготовлено было, чтобы явиться зеркаломъ и образомъ души Царевой.

«Вспомнимъ тогдашнюю въ Кремлѣ и окрестъ Кремля прекрасную тѣсноту, которая выражала сердечное стремленіе къ Царю всего народонаселенія московскаго и, по возможности, чрезъ представителей всего народа русскаго, или точнѣе, всѣхъ народовъ царства Всероссійскаго.

«Найдется ли довольно сильное слово, которое изобразило бы тогдашній всеобщій восторгъ?—И пусть не найдется. Это ненайденное слово вамъ и слышимо, и понятно: поелику отъ тогдашнихъ сердечныхъ воскликновеній есть и нынѣ вѣрный отголосокъ въ вѣрныхъ сердцахъ.

«Особенно желалъ бы я, чтобы каждый сынъ Россіи въ такомъ же свѣтѣ узрѣлъ нынѣ мысленнымъ окомъ, какъ мы тогда мысленнымъ и чувственнымъ окомъ зрѣли Благочестивѣйшаго Царя нашего и Благочестивѣйшую Супругу Его, и совершавшееся съ Ни-

ми въ семъ святилищѣ * въ священнѣйшія минуты священнаго дня. Какъ смиреннымъ являлось Ихъ величіе предъ лицемъ Царя царствующихъ, и вмѣстѣ, какъ величественнымъ Ихъ смиреніе! Какое благоговѣніе предъ святынею! Какое одушевленіе молитвы! Какое небесное безмолвіе въ церкви, когда вѣнчанный Царь одинъ преклонилъ колѣна, и горячая молитва о благословеніи свыше на Него и на царство Его просіявала изъ Его сердца, и очей, и устъ, и тихо воспламеняла всѣ сердца; сливала ихъ въ одно кадило, въ одинъ благоуханный ѳиміамъ; и его, безъ сомнѣнія, невидимо принималъ Ангелъ Хранитель Россіи, *и взыде дымъ кадильный молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога* (Апок. 8, 4).

«Да взираемъ на сіе и нынѣ окомъ радующагося сердца: но притомъ, какъ я сказалъ, и окомъ размышляющаго ума.

«Какъ тщится Царь, благословенный на царство Родителемъ и закономъ престолонаслѣдія, снискать высшее благословеніе и освященіе! Какъ тщится съ своей стороны святая Церковь усвоить Царю вышнее благословеніе и освященіе!

---

* Въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ въ Кремлѣ.

«Священнодѣйствіе царскаго вѣнчанія православная Церковь начинаетъ тѣмъ, что предлагаетъ Благочестивѣйшему Императору произнести во всеуслышаніе православное исповѣданіе вѣры. Что сіе значитъ?—Это значитъ, что Церковь, какъ сама основана неколебимо на камени вѣры, такъ желаетъ и царское достоинстно и желаемое благословенное царствованіе утвердить непоколебимо на камени вѣры. По истинѣ, если Господу нашему Іисусу Христу, владычествующему всѣмъ по Божеству, вслѣдствіе заслуги спасительнаго страданія и воскресенія, новымъ образомъ, какъ Богочеловѣку, *дадеся*, по собственному изреченію Его, *всяка власть на земли*, какъ *на небеси* (Матѳ. 28, 18); если Онъ по слову Тайновидца, есть *князь царей земныхъ* (Апок. 1, 5.): то царь и царство могутъ быть истинно благословенны и благоденственны только тогда, когда угодны Ему и Его верховному владычеству; а угодны Ему могутъ быть только тогда, когда право исповѣдуютъ и дѣятельно хранятъ вѣру, которая есть сила, средство и цѣль Его владычества. Сію истину дѣятельно призналъ благочестивѣйшій Государь нашъ при своемъ царскомъ вѣнчаніи. О, еслибы сею истиною одушевлялись

и всѣ сыны царства, и наипаче всѣ особеннымъ званіемъ и должностію призванные служить державной волѣ Царя и благу царства!

«Весь чинъ царскаго вѣнчанія святая Церковь, какъ облакомъ духа облекаетъ, какъ благоуханіемъ священнаго кадила исполняетъ,—обильною молитвою. Каждое воспріемлемое Царемъ знаменіе величества, порфиру, вѣнецъ, скипетръ, державу, она осѣняетъ Божественнымъ именемъ Пресвятыя Троицы. И сего не довольно. Чтобы усвоить Царю болѣе внутреннее, таинственное овященіе, она священнымъ помазаніемъ полагаетъ на немъ *печать дара Духа Святаго*: приближаетъ его къ самой Трапезѣ Господней, и въ лицѣ священнодѣйствующихъ и священнослужащихъ укрѣпляетъ его на великій подвигъ царствованія Божественною пищею Тѣла и Крови Господней.

«Взирая мысленно на сіе столь же священное, какъ величественное зрѣлище, кто не помыслитъ съ благоговѣніемъ, какъ велико по истинѣ значеніе православнаго Царскаго величества. Оно осѣнено, объято, проникнуто освященіемъ свыше. Мнѣ кажется, что здѣсь недавно слышалъ я древніе іерусалимскіе пророческіе отъ лица Божія гласы: *вознесохъ*

избраннаго отъ людей Моихъ;—елеемъ святымъ помазахъ его;—истина Моя и милость Моя съ нимъ (Пс. 88, 20. 21. 25.). *

Извѣстно, что митрополитъ Филаретъ участвовалъ въ составленіи достопамятнаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, начинавшагося незабвенными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный Русскій народъ, и призови благословеніе Божіе на твой свободный трудъ»... Встрѣчая въ этомъ году въ Успенскомъ соборѣ въ Кремлѣ Царя-Освободителя святитель церкви сказалъ ему слѣдующія знаменательныя слова:

«Привѣтствуемъ тебя въ седьмое лѣто твоего царствованія.

«У древняго народа Божія седьмое лѣто было лѣтомъ законнаго отпущенія изъ рабства (Исх. 21, 2).

«У насъ не было рабства, въ полномъ значеніи сего слова: была однако крѣпкая наслѣдственная зависимость части народа отъ частныхъ владѣльцевъ. Съ наступленіемъ твоего седьмаго лѣта ты изрекъ отпущеніе.

«Обыкновеннѣе сильные земли любятъ искать удовольствія и славы въ томъ, чтобы покорить,

* Т. III, стр. 300, 301. Изд. 1861 г.

и наложить иго. Твое желаніе и утѣшеніе— облегчить твоему народу древнія бремена и возвысить мѣру свободы, огражденной закономъ. Сочувствовало тебѣ сословіе благородныхъ владѣльцевъ, и въ добровольную жертву сему сочувствію принесло значительную часть своихъ правъ. И вотъ болѣе двадцати милліоновъ душъ обязаны Тебѣ благодарностію за новыя права, за новую долю свободы.

«Молимъ Бога, чтобы добрый даръ былъ разумно употребленъ; чтобы ревность къ общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрѣшенія затрудненій, иногда неизбѣжныхъ при новости дѣла; чтобы получившіе новыя права изъ благодарности порадѣли уступившимъ древнія права, чтобы пріятная мысль о трудѣ свободномъ сдѣлала трудъ болѣе прилежнымъ и производительнымъ, къ умноженію частнаго и общаго благоденствія; да будетъ твоя къ твоему народу любовь увѣнчана неувядающею радостію, подъ осѣненіемъ Провидѣнія благодатно простираемымъ, вмѣстѣ съ тобою, надъ совѣнчанною тебѣ твоею супругою и твоими благословенными чадами». *

---

* Тамъ же, стр. 383, 384.

Обращаясь въ отчетѣ своемъ за 1863 годъ къ состоянію своей паствы, митрополитъ Филаретъ говорилъ слѣдующее:

«Состояніе благочестія въ православной паствѣ представляетъ вообще видъ благопріятный и свидѣтельствуется прибѣжностію къ особенно чтимымъ святынямъ, посѣщеніемъ святыхъ храмовъ, усердіемъ къ слушанію катихизическихъ поученій, пожертвованіями на устроеніе храмовъ и благотворительными учрежденіями. Но нельзя не видѣть и противоположныхъ сему печальныхъ явленій, и преступно было бы равнодушно молчать о нихъ. Литература, зрѣлища, вино губительно дѣйствуютъ на общественную нравственность. Чрезмѣрно размноженныя свѣтскія повременныя изданія, усильно распространяемыя въ народѣ, неблагопріятно дѣйствуютъ даже тѣмъ, что возбуждаютъ и питаютъ не столько истинную любознательность, сколько безплодное любопытство; даютъ много чтенія пріятнаго и занимательнаго, но мало назидательнаго, доставляютъ познанія отрывочныя, смѣшанныя, сбивчивыя, но съ тѣмъ вмѣстѣ поглощаютъ вниманіе и время, отвлекаютъ отъ чтенія книгъ основательныхъ, дѣлаютъ умы поверхностными и лѣнивыми для глубокихъ размыш-

леній о важнѣйшихъ предметахъ знанія. Такое направленіе литературы вредно для религіозной, нравственной и гражданской жизни обществъ; но зло происходящее отъ современной литературы на этомъ не останавливается. Въ литературныхъ произведеніяхъ и легкаго и серіознаго содержанія, даже представляемыхъ въ учебное руководство юношеству, божественное откровеніе подвергается сомнѣнію, священныя преданія унижаются до сравненія съ баснями, правила христіанской нравственности и установленія церковныя не уважаются, усиліе дать основаніе невѣрію въ чудеса, доходитъ до того, что проповѣдуются баснословныя ученыя нелѣпости, какъ напримѣръ въ переведенной книгѣ Циммермана утверждается, будто скинія свидѣнія была не иное что̀ какъ большая электрическая машина.

«О томъ, до какой степени чужды нравственности и вредны зрѣлища, духовенство можетъ судить только по чужимъ отзывамъ и внимаетъ имъ съ осторожностію, чтобъ не произнести суда неправильнаго или излишне строгаго...

«Но если начальство зрѣлищъ, не взирая на неудовольствіе здраво и основательно мыслящей части общества, для денежныхъ выгодъ,

разчитанныхъ на поползновенныхъ къ нечистымъ удовольствіямъ людей, станетъ повторять подобныя зрѣлища и сильнѣе введетъ чрезъ нихъ безстыдство и растлѣніе въ нравы, то правительство православно - христіанское будетъ ли свободно отъ отвѣтственности за сіе предъ Богомъ? Во Франціи подобныя зрѣлища возбудили противъ себя нѣкоторыя мѣры правительственныя, но тамъ сіи мѣры, какъ позднія, уже недѣйствительны: надобно ли потачкою злу воздвигать препятствія къ преспѣянію добра, чтобы потомъ входить въ позднюю съ ними борьбу? Не лучше ли предупредить возникающее зло?

«Между тѣмъ какъ зло отъ литературы и зрѣлищъ дѣйствуетъ болѣе на высшіе и средніе классы общества, дешевое вино губитъ низшій классъ народа. Мѣста продажи такъ размножились, что въ нѣкоторыхъ городахъ на 10 и 11 домовъ приходится по питейному заведенію. Дешевизна и удобство пріобрѣтенія вина ведетъ къ тому, что не мужской только полъ, но и женскій, не возрастные токмо, но и малолѣтные упиваются виномъ. Многіе домы и души у поселянъ въ конецъ разорены. Пьянство, вошедъ въ привычку, требуетъ себѣ постоянно новыхъ пожертвованій и лишаетъ

человѣка и способовъ къ жизни и способности къ труду, ввергаетъ людей въ нищету, праздность, пороки и преступленія. Къ церкви менѣе прибѣжности, менѣе благоговѣнія къ святынѣ и уваженія къ духовенству. Въ одинъ прошедшій годъ многіе изъ народа понизились въ нравственности такъ, что не видя трудно повѣрить ихъ упадку...

«Но зло растетъ, и благонамѣреннымъ трудно будетъ устоять, если чиновники (по акцизному сбору) будутъ настоятельно убѣждать къ открытію кабаковъ, какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчено. Если въ преслѣдованіи финансовыхъ видовъ не довольно обращается вниманія на нравственность народа, это невыгодный разчетъ. Лучшее богатство государства и самая твердая опора престола—христіанская нравственность народа.

«Настоящее время представляется довольно благопріятнымъ для распространенія истиннаго просвѣщенія въ народѣ чрезъ умноженіе хорошо устроенныхъ училищъ сельскихъ. Народъ по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости видитъ предъ собою открытыми разныя поприща общественной дѣятельности и болѣе прежняго признаетъ пользу грамотности и желаетъ умноженія школъ; свѣт-

ское начальство симъ озабочено, но сія самая забота служитъ причиною новой заботы для начальства духовнаго, ибо есть основаніе опасаться, что свѣтское начальство такое устройство сообщитъ новымъ училищамъ, которое по свѣтскому своему характеру не будетъ благопріятно дѣйствовать на утвержденіе вѣры и нравственности въ народѣ. Предполагается образовать особыхъ свѣтскихъ наставниковъ, которымъ будутъ ввѣрены училища, а духовенство будетъ лишь приглашаемо, гдѣ заблагоразсудитъ свѣтское начальство, къ преподаванію Закона Божія. Не говоря уже о томъ, что такія училища будутъ дорого стоить, тогда какъ теперешнія училища, руководимыя и часто содержимыя духовенствомъ, почти ничего не стоятъ; наставниковъ, требуемыхъ въ великомъ числѣ, не легко избрать и приготовить, между тѣмъ какъ теперь въ священнослужителяхъ представляются люди готовые и свидѣтельствованные. Со времени принятія христіанства и до настоящаго времени Русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей кромѣ духовенства. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ во храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ

случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища, и что духовенство оправдало свое призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служитъ вся Русская исторія. Какія трудности перенесъ Русскій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междуусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ Поляками, а потомъ Французами, онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія ему Положеній 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ. Все сіе конечно не ведетъ къ тому, чтобы поспѣшно перемѣнить систему народнаго просвѣщенія, которая сама собою установилась и оправдана опытомъ вѣковъ. Если въ ней есть недостатки, то удобнѣе и благонадежнѣе исправить ихъ, нежели изыскивать и вводить системы новыя, искуственныя, неиспытанныя, неоправданныя, не сильно обнадеживающія успѣхомъ и сильно угрожающія въ случаѣ

неудачи, потому что эта неудача прострется на всю Россію. Несовершенство сельскихъ училищъ и учителей духовнаго вѣдомства происходитъ наиболѣе отъ недостатка способовъ. Учитель имѣетъ потребныя свѣдѣнія, ихъ нужно лучше приспособить къ дѣлу. Пусть дадутся способы учителю и учебныя пособія для учениковъ; онъ не затруднится усвоить себѣ благонадежную методу преподаванія, даже безъ помощи особыхъ педагогическихъ наставленій, посредствомъ книгъ и собственнаго опыта и совѣщаній съ людьми подобныхъ занятій. Надежда сія основывается на опытѣ»....

«...Съ нѣкотораго времени въ области русскаго слова распространяется родъ безначалія, невниманія къ принятымъ прежде правиламъ, неуваженіе къ признаннымъ прежде образцамъ,—подъ видомъ народности и общепонятности, развивается направленіе не къ народности чистой, благородной, правильной, но къ простонародности смѣшанной, низкой, безправильной. Какъ одного изъ вредныхъ послѣдствій сего направленія, если неудастся исправить онаго, надлежитъ опасаться того, что языкъ подъ перомъ писателей, а затѣмъ и въ устахъ народа быстро уклоняться будетъ отъ

славянскаго церковнаго нарѣчія, что прекрасный, сильный, проникнутый духомъ христіанскаго ученія церковный богослужебный языкъ сдѣлается наконецъ вовсе непонятенъ присутствующимъ при Богослуженіи.... Если государство по справедливости заботится о томъ, чтобы языкъ государства возмогалъ надъ языками разноплеменныхъ подданныхъ; менѣе ли заслуживаетъ заботы то, чтобы языкъ церкви не сдѣлался наконецъ языкомъ чужестраннымъ чрезъ своенравное ни мало ненужное отъ него удаленіе языка народнаго *.

Въ 1862 году митрополитъ Филаретъ распорядился, чтобы въ московскихъ церквахъ за каждою службой употреблялась молитва, которая обыкновенно читается на праздничныхъ литіяхъ и гдѣ просятъ Господа, чтобъ Онъ отвратилъ отъ насъ гнѣвъ свой, праведно на насъ движимый и проч. Это, говоритъ А. Н. Муравьевъ, произвело, особенно въ Петербургѣ, толки, будто митрополитъ предсказываетъ какую-то предстоящую намъ бѣду. По этому поводу Филаретъ писалъ къ упомянутому лицу: «Не молитву, а извѣстное молит-

---

* Письмо къ президенту Императорской Академіи Наукъ графу С. С. Уварову.

венное прошеніе, не по предписанію, а по примѣру чаще обыкновеннаго стали употреблять въ Москвѣ, потому что умножились грѣхи наши и наипаче требуютъ покаянной и усиленной молитвы. Кажется это ясно для благонамѣренныхъ; а если надобно объясненіе, то скажу, между прочимъ, что литература цензурная и безцензурная широко распространяетъ мысли и ученія противорелигіозныя, противонравственныя, противоправительственныя и многіе сильно заражаются...»

«...Мы дожили до какого-то туманнаго времени, говорилъ митрополитъ въ другомъ письмѣ. Мгла покрываетъ умы. Въ однихъ видишь неожиданное, въ другихъ не видишь ожидаемаго» *.

Во время польскаго мятежа 1863 года, когда смута въ умахъ поставила и у насъ подъ тяжкій вопросъ единство и нераздѣльность Россіи, митрополитъ Филаретъ съ глубокимъ одушевленіемъ поддерживалъ стоявшихъ на стражѣ этой основы нашего народнаго и государственнаго существованія. Въ эту трудную годину, святитель благословилъ издателя *Москов-*

---

* *Письма митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 594—597.

скихъ Вѣдомостей, который получилъ отъ него, кромѣ другихъ выраженій сочувствія, образъ Архистратига Михаила (въ день его, 8 ноября 1864 года) съ собственноручною знаменательною надписью. Поддерживалъ онъ и Муравьева въ его борьбѣ съ мятежемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

«Было слышно и видно, писалъ къ нему владыка въ маѣ 1863 года, при самомъ его назначеніи туда, что многодѣятельная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя; не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству.

«Вѣрные сыны царя и отечества узнали о семъ съ радостію и надеждой. Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества. Ваше имя—побѣда.

«Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира.

«Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго Архистратига; да идетъ онъ предъ вами съ

мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ.

«Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ вмѣстѣ съ симъ въ благословеніе икону Св. Архистратига Михаила...»

«Привѣтствовавъ прежде въ лицѣ вашемъ подвижника царственной правды и народности русской, имѣю, писалъ митрополитъ 21 сентября 1864 года, долгъ еще привѣтствовать васъ, какъ подвижника православія въ странѣ, гдѣ оно нѣкогда господствовало, потомъ долго и вновь недавно страдало и гдѣ вы поднимаете изъ земли его древнюю погребенную славу. Господь да продолжитъ сохранять вашу крѣпость, вашу дѣятельность и умножать плоды ея.

«Древняя плащаница, вашею настоятельною ревностью открытая, изъ рукъ похитителей и поругателей возвращенная и назначаемая въ Московскій Новодѣвичій монастырь, какъ мѣсто ея происхожденія, и составленный о ней актъ, мною получены.»

Послѣ покушенія Каракозова на жизнь покойнаго Государя Императора Александра Николаевича, по поводу призыва графа М. Н. Муравьева на борьбу съ крамолой, митро-

политъ Филаретъ въ іюлѣ 1866 года писалъ къ нему:

«Къ труднымъ подвигамъ, по невидимымъ мановеніямъ Провидѣнія Божія, призываетъ васъ Верховная власть и притомъ такъ, что на призывающій гласъ Царя съ сильнымъ сочувствіемъ откликается голосъ народа.

«И теперь встревоженное страшною минутой отечество съ участіемъ заботы и надежды взираетъ на вашъ подвигъ, и ревностные сыны его молятъ Бога, чтобы вамъ дано было достаточно крѣпости и средствъ обнаружить и упразднить корень зла, чтобъ онъ не прозябалъ болѣе.

«Съ утѣшеніемъ узналъ я, что среди труднаго подвига служенія Царю и отечеству вы въ то же время совершаете добровольный подвигъ служенія Богу: созидаете храмъ Господень (въ своемъ имѣніи).

«Примите на престолъ сего храма Св. Евангеліе, приносимое отъ моего усердія, съ призываніемъ вашей душѣ, вашему житію и вашимъ дѣяніямъ благословенія земнаго и небеснаго, отъ времени до вѣчности.»

По случаю кончины графа М. Н. Муравьева московскій митрополитъ писалъ къ брату покойнаго А. Н. Муравьеву слѣдующее:

«Со дня на день мысль моя обращается къ вамъ, чтобы сказать слово участія о событіи печальномъ для всѣхъ любящихъ отечество, для васъ еще по особенной причинѣ. Но моя ветхость худо движется, и моя мысль, подвигшись, своею тяжестью безмолвно погружается въ думу.

«Посильно молимся о приснопамятномъ боляринѣ Михаилѣ, да въ благости своей Господь помянетъ его крѣпкій до смерти подвигъ въ вѣрности царю и любви къ отечеству и да наградитъ его покоемъ и вѣнцомъ небеснымъ.

«Мы вписали его имя въ диптихи церковные. Слово о кончинѣ его у всѣхъ на устахъ и у всѣхъ съ чувствомъ утраты, почему много молитвъ о немъ взыдетъ на небо.

«Что думать о его внезапной кончинѣ? Можно думать, что она не должна увеличивать чувство печали. Непосредственно отъ труднаго подвига государственнаго онъ перешелъ къ подвигу духовному. Устранясь ото всего мірожительскаго, среди сельской простоты, онъ праздновалъ освященіе храма, имъ созданнаго, возрадовался духовно; душа его возвысилась, и тогда речено ангелу его: добра сія минута, чтобы взять сію душу.

«Его, сами себя, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.»

Во время этнографической выставки въ Москвѣ, при посѣщеніи митрополита Филарета собравшимися представителями разныхъ славянскихъ племенъ, святитель сказалъ слѣдующее:

«Имѣю неожиданное утѣшеніе привѣтствовать вожделѣнныхъ гостей и братій, которыхъ здѣсь вижу, и которыхъ сверхъ ожиданія видитъ нынѣ Москва.

«Благословенъ Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посѣтившій и посѣщающій бѣдственно раздѣленное человѣчество и направляющій оное къ единому спасенію и спасительному единству.

«Славяне и Славяно-Россы—родъ единъ. Но его начало затемнено временемъ. Движеніемъ дѣлъ человѣческихъ раздѣлены отрасли его. Это раздѣленіе неблагопріятно было единству языка его.

«Богъ воздвигъ двухъ святыхъ братій по плоти и по духу, которые сдѣлались отцами нашими по духу, родивъ насъ благовѣствованіемъ Христовымъ, и наше естественное братство обновилъ и возвысилъ братствомъ духовнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь родственная

усовершенствована и укрѣплена любовію христіанскою. Единство духа и языка охранено тѣмъ, что языкъ славянскій сдѣлался языкомъ вѣры и церкви. Мы, Россіяне, наслѣдовали сей даръ Божій отъ старѣйшихъ въ христіанствѣ братій нашихъ и не престаемъ быть благодарными. Состраждемъ скорбямъ, сорадуемся надеждамъ братій нашихъ, и сквозь раздѣленіе зримъ къ единству. И вотъ нечаянный случай изъ отдаленныхъ странъ подъемлетъ ревнителей славянскаго братства и соединяетъ ихъ въ средоточіи русскаго единства, чтобы непосредственно изъ сердца въ сердце излить братское чувство и, вопреки внѣшнимъ раздѣленіямъ, найтись въ живомъ внутреннемъ единеніи.

«Видѣвъ знаменія Провидѣнія въ нашемъ прошедшемъ, осмѣлимся и въ настоящемъ видѣть знаменіе во благо.

«Въ духѣ христіанства да растетъ наше единеніе, и въ такомъ единеніи сила, способная побѣдоносно созидать и распространять общее и частное благо.

«Привѣтствуемъ васъ искреннею любовію и благою надеждой по вѣрѣ во всеблагое Провидѣніе Божіе».

По поводу греко-болгарской распри митрополитъ въ январѣ 1866 года писалъ къ патріарху Константинопольскому:

«Достойно... молитвъ вашихъ, чтобы народъ, долго пребывавшій въ послушаніи Константинопольскаго престола, а нынѣ взволнованный, борющійся, искушаемый, былъ умиротворенъ и охраненъ въ православіи предоставленіемъ ему довольной свободы имѣть пастырей и учителей удобо понимаемыхъ, слушать богослуженіе на понятномъ языкѣ и обучать дѣтей на природномъ языкѣ...

МОЛИТВА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ СЕМИСОТЛѢТІЯ МОСКВЫ (1847 г.).

Господи Боже Вседержителю, Словомъ Твоимъ утвердивый Небеса и Духомъ устъ Твоихъ всю силу ихъ, положивый свѣтила на тверди небеснѣй во знаменія и во времена, и во дни и лѣта, и бытіе видимыхъ созданій Твоихъ въ круги временъ заключивый, благословивый начатки временъ и числа исполненія ихъ освятивый! Ты Господи, усты пророка Твоего Моисея, первымъ въ мѣсяцѣхъ лѣта нареклъ еси мѣсяцъ, въ онь же агнцемъ избавительныя Пасхи спасительное таинство Агнца закланнаго прежде сложенія міра Господа нашего Іисуса Христа, предобразилъ еси людемъ Твоимъ, Израилю. Ты въ древнемъ законѣ Твоемъ, въ предѣлъ седмицы дней и седмицы седмицъ, праздники Твоя, въ память благодѣяній Твоихъ, поставилъ еси; и исполненіе седмицы лѣтъ и седмицы седмилѣтій, во обновленіе памяти судебъ Твоихъ лѣтомъ оставленія, вѣнчалъ еси, со благословеніемъ безтруднаго изобилія. Се нынѣ Твой

новый израиль отъ древняго образа къ новоявленнѣй истинѣ прешедъ, первый въ мѣсяцѣхъ и новое лѣто начинаетъ, отъ явленія во яслѣхъ виѳлеемскихъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра, Господа нашего Іисуса Христа, и отъ начатія Его всеспасительныя крестныя жертвы, въ страдательномъ проліянїи крове обрѣзанія. Царствующій же градъ сей не мѣсяца токмо и лѣта начало предъ собою нынѣ зритъ и не седмицы дней токмо и лѣтъ исчисляетъ, но, седмь протекшихъ надъ нимъ вѣковъ помянувъ, судьбамъ Твоимъ чудится, и въ помышленіи о судьбахъ осьмаго вѣка сего, предъ лицемъ Твоимъ, Царю вѣковъ, благоговѣетъ. Исповѣдуемъ милости твоя древнія, и о настоящихъ благодаримъ, и о будущихъ молимъ. Славимъ Твое благодатное избраніе и богатый о насъ промыслъ, яко малую нѣкогда весь во градъ велій возрастилъ еси; и прежде сбытія, еже славну быти граду сему во всѣхъ градѣхъ россійскихъ, и взыти рукамъ его на плещи врагъ его и прославитися Тебѣ въ немъ, угодникомъ Твоимъ святителемъ Петромъ предвозвѣстилъ еси; таже и преносимый престолъ православія здѣ утвердилъ еси, и престолъ царства возвысилъ еси, и корень единодержавія всероссійскаго здѣ насадилъ

еси, и угасшему свѣтильнику царскаго рода отселѣ съ вящшею свѣтлостію возсіяти даровалъ еси, и святымъ Твоимъ здѣ пожити и во благоуханіи святыни почити благоволилъ еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стѣною, отъ напастей ограждалъ еси градъ сей, овогда же и бѣдствующій вскорѣ избавлялъ еси, и во дни наши мнѣвшійся погибнути, отъ пепела и разрушенія еси возставилъ, и новымъ благолѣпіемъ украсилъ, и обиліемъ исполнилъ, Отче щедротъ и Господи милости! Призри благосердіемъ на сіе благодарственное исповѣданіе наше, и не остави милости Твоея отъ насъ. Благослови вѣнецъ новаго лѣта благостію Твоею; и вѣнецъ седми вѣковъ, иже на версѣ царствующаго сего града, и во осьмемъ, да не увядаетъ; обнови и умножи благословенія Твои на превознесенномъ Тобою рабѣ Твоемъ благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и на державномъ его родѣ. Долгоденствіе и благоденствіе и въ дѣлахъ царствія и во всѣхъ добродѣтеляхъ преуспѣянія имъ даруй. Сохрани церковь Твою святую неколеблему на основаніи Твоего Божественнаго слова, на камени апостольскія вѣры, и никоеже дерзно-

венное суемудріе человѣческое да не прикоснется кивоту Божію. Реки, Господи, миръ на люди Твоя, и на обращающія сердца къ Тебѣ. Да будетъ близъ боящихся Тебе спасеніе Твое, вселити славу въ землю нашу. Милость и истина въ ней да срѣтаются и правда и миръ да лобызаются. Не предаждь насъ, призрѣти въ суеты и неистовленія ложная, но да призримъ на вся заповѣди твоя и не постыдимся. Даруй намъ благодать и благую ревность, да Твоего вѣчнаго царствія и правды его, прежде всего и паче всего, ищемъ, яко да и благая временному житію потребная вся приложатся намъ, предстательствующими и покровительствующими молитвами Преблагословенныя Приснодѣвы Богородицы и святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, съ ними же во общеніи вѣры Тебѣ Единому Тривпостасному Богу Безначальному Отцу и Собезначальному Сыну и Сопринесущному Святому Духу, приносимъ подобающее благодареніе и поклоненіе и славу во вѣки вѣковъ.

МОЛИТВА ВЪ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ РОССІИ

(1862 года).

Господи Боже, Царю вѣковъ, глаголяй на языкъ и царства, и созидаяй и насаждаяй ихъ (Іер. 5, 9). Къ Твоему величеству припадающе со страхомъ и благоговѣніемъ, благодарно исповѣдуемъ милости Твоя, многочастнѣ и многообразнѣ въ десяти вѣкахъ явленныя народу и царству Россійскому.

Ты бо, Господи, возглаголалъ еси Твое зиждительное слово на сей народъ и создалъ еси въ немъ царство, и насадилъ, и укоренилъ, и возрастилъ, и расширилъ еси его на земли обитанія его, и поставилъ еси надъ нимъ отъ Тебе сущую власть, и укрѣпилъ еси его на сопротивныхъ, и оградилъ еси его законами, наипаче же просвѣтилъ и одушевилъ еси его спасительною вѣрою, и аще иногда и жезломъ посѣщалъ еси неправды его, но милости Твоея не удалилъ и не удаляеши отъ насъ.

Тя убо, Владыку, Господа и Благодѣтеля славимъ, хвалимъ, благодаримъ, поемъ и ве-

личаемъ, и отъ самыхъ щедротъ Твоихъ въ вѣрѣ и упованіи утвержденіе и дерзновеніе предъ Тобою пріемлюще, смиренно молимъ: сохрани престолъ и царство Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи въ истинномъ величіи, твердости и славѣ.

Прости, всемилостиве Господи, вся грѣхи наши и отецъ нашихъ, и исправи стопы наша къ дѣланію заповѣдей Твоихъ.

Соблюди въ насъ православную вѣру въ ея чистотѣ и силѣ, и да пребудетъ она, яко же бысть, средоточіемъ общественнаго единенія, источникомъ просвѣщенія, основаніемъ и твердынею народнаго благонравія, правды законовъ, благодѣтельности управленія, нерушимости благосостоянія.

Да не увянетъ и не изсохнетъ древнее насажденіе добра, но да привіется къ нему новое стебліе лучшаго и да изыдетъ новый цвѣтъ благолѣпія и плодъ совершенства.

Тако призри на насъ и ущедри насъ, да благословляеми Тобою отъ дне до дне и отъ вѣка и до вѣка благословимъ Тя, Господи.

Слава Тебѣ Богу, благодателю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ день празднованія тысячелѣтія Россіи въ храмахъ Москвы, по окончаніи молебна и обычныхъ многолѣтій было возглашено:

Просвѣтившимъ Россію христіанскою православною вѣрою равноапостольнымъ великому князю Владиміру и великой княгинѣ Ольгѣ, преемственнѣ въ теченіе вѣковъ созидавшимъ и укрѣплявшимъ единодержавіе Россіи благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ, новосозидавшимъ Россійское царство и расширившимъ и прославившимъ оное въ Бозѣ почившимъ благочестивѣйшимъ императорамъ и императрицамъ вѣчная память.

Всѣмъ избраннымъ сынамъ Россіи, въ теченіе вѣковъ вѣрно подвизавшимся за единство, благо и славу, на поприщахъ благочестія, просвѣщенія, управленія и побѣдоносной защиты отечества, вѣчная память.

Времена, и лѣта въ рукѣ своей положивый Господи, Твоимъ премудрымъ всеблагимъ промысломъ тысячелѣтнѣ сохраняемому и возращаемому Царству Всероссійскому, пробави велію милость Твою и сохраняй оное въ вѣрѣ и правдѣ, въ богозаконіи и благоустроеніи на лѣта и вѣки многіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Столѣтній юбилей митрополита Филарета и значеніе его политическаго ученія . . . 1—5

Отдѣлъ I.

Ученіе Филарета о происхожденіи государства, о Верховной власти, отношеніяхъ къ ней подданныхъ, о конституціонализмѣ и революціяхъ на Западѣ, о связи между престоломъ и алтаремъ, объ образованіи, печати, судѣ и наказаніяхъ. . . . 6—75

Отдѣлъ II.

Сужденія Филарета о важнѣйшихъ событіяхъ въ царствованія императоровъ Александра I, Николая I и Александра II: борьбѣ съ Наполеономъ I, отечественной и послѣдующихъ войнахъ и внутреннемъ управленіи императора Николая, Севастопольской войнѣ, св. короновaніи императора Александра II, освобожденіи крестьянъ, состояніи общества и народа послѣ этой реформы, польскомъ мятежѣ, единеніи Славянъ и проч. . . . . 76—123

Молитвы митрополита Филарета въ воспоминаніе семисотлѣтія Москвы и тысячелѣтія Россіи. . . . . 124—130

ИНСТИТУТ ИГАСН. ПРОФЕССУРЫ